

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1904 г.

№ 12.

Воскресенье 21 Марта.

„Право“ издается в С.-Петербурге под редакцией приват-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии: И. В. Гессена, прив.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. И. Петражицкого.

Содержание: 1) Памяти Д. Н. Набокова. А. Ф. Кони.—2) Крестьянское право в проект гражданского уложения. А. А. Леонтьева.—3) Государственное вознаграждение невинно привлеченных к уголовному суду. В. Н. Ширяева.—4) Судебные отчеты: а) Прав. Сенатъ. (Засѣд. гражд. касс. деп. 3 марта); б) Прав. Сенатъ. (Защита отъ обвиненія въ клеветѣ какъ самостоятельное преступленіе); в) Московская судебная палата. (Вооруженное сопротивленіе полиціи; отлучка поднадзорнаго изъ мѣста жительства по вызову суда); г) Кіевская судебная палата. (Истязаніе урядникомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей); д) С.-Петербургскій окр. судъ. (Оскорбленіе должностнаго лица).—5) Хроника.—6) С.-Петербургское юридическое общество.—7) Судебная практика: Судебный департаментъ (Реверсныя сдѣлки).—8) Отвѣты редакціи.—9) Новыя книги.—10) Справочный отдѣлъ послѣ текста и на обложкѣ.—11) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (Звенигородская, 22. Телефонъ—2967) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 час. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Загородный пр., 2) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Памяти Д. Н. Набокова.

(† 15 марта 1904 г.).

Когда уходитъ „насытись днями“ и заработавъ себѣ право на вѣчный покой человекъ, уже ранѣе отошедшій въ сторону отъ большой дороги съ ея злобами дня, такая утрата не поражаетъ своею неожиданностью, не оставляетъ, повидимому, зияющаго пустого мѣста на пестрой ткани ежедневной жизни общества. И, тѣмъ не менѣе, она можетъ быть очень тяжела и скорбно отзываться въ сердцѣ многихъ... Среди шума и треска повседневноности внезапно возникаетъ тягостное сознаніе, что разорвалась живая связь съ прошлымъ, невозвратнымъ не только во времени и пространствѣ, но и въ области душевныхъ настроеній. Горестные звуки „вѣчной памяти“ вызываютъ тогда съ новой силою изъ туманной дали старый симпатичный образъ и ярко рисуютъ пройденный усопшимъ трудовой путь.

Такое сознаніе должно было витать вокругъ гроба только что почившаго Дмитрія Николаевича Набокова и возникнуть у тѣхъ, до кого дошла вѣсть, что этого добраго человека, умѣвшаго соединять рѣшительность государственнаго дѣятеля съ мягкостью сострадательнаго и отзывчиваго сердца—нѣтъ болѣе въ живыхъ. Подробный очеркъ его дѣятель-

ности, требующій времени, долженъ указать съ точностью всѣ трудовые шаги его на разнообразномъ служебномъ поприщѣ и опредѣлить размѣръ его заслугъ въ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ управленія судебнымъ вѣдомствомъ,—короткіе некрологи въ газетахъ уже рассказали главные этапы этой дѣятельности и ея внѣшнюю официальную оцѣнку. Но теперь хочется, хотя-бы въ немногихъ строкахъ, вспомнить живыя черты того, чья рабочая жизнь уложилась въ рамки блестящаго отличіями формуляра.

Правовѣдъ одного изъ первыхъ выпусковъ,—товарищъ людей, оставившихъ почетныя имена, Д. Н. Набоковъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сдѣлался сотрудникомъ Великаго Князя Константина Николаевича въ его управленіи морскимъ вѣдомствомъ. Изъ этого вѣдомства, подъ влияніемъ Великаго Князя, при пробужденіи Россіи отъ мертвящаго сна, завершенаго Савостополя, прежде всего повѣяло дыханіемъ жизни и энергическимъ исканіемъ путей къ лучшему будущему. Поэтому быть многолѣтнимъ сотрудникомъ Великаго Князя,—чей образъ давно пора вызвать къ свѣту во всей нравственной красотѣ его служенія благу родины,—значило быть сопричастникомъ тѣхъ возвышенныхъ мыслей и безтрепетной вѣры

въ душевныя силы русскаго народа, которыми были проникнуты великодушныя начинанія Царя - Освободителя. Такимъ сотрудникомъ — сопричастникомъ и былъ покойный Набоковъ. Единство взглядовъ и направленія, существовавшее между нимъ и Великимъ Княземъ, сказалося съ очевидностью въ томъ, что, когда послѣдній былъ назначенъ намѣстникомъ Царства польскаго въ цѣляхъ умиротворенія волнующагося края и явился проводникомъ примирительной политики, къ сожалѣнію, не оцененной крайними партіями, — онъ пригласилъ съ собою Набокова.

Введеніе судебныхъ уставовъ, столь многимъ обязанныхъ Великому Князю и его ближайшимъ сотрудникамъ, горячо поднявшимъ вопросъ о преобразованіи судебной части въ своемъ вѣдомствѣ, вызвало назначеніе Д. Н. Набокова въ число членовъ только что образованнаго гражданскаго кассационнаго департамента.

Ему пришлось, такимъ образомъ, участвовать въ первыхъ шагахъ практическаго осуществленія судебного преобразованія, сильной охранѣ коренныхъ началъ котораго онъ сталъ, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, служить въ качествѣ министра юстиціи. Въ Сенатѣ онъ пробылъ недолго, но и въ послѣдовавшее затѣмъ начальствованіе имъ канцелярію по дѣламъ Царства польскаго, посвященное работамъ по органическому переустройству гражданскаго его строя на началахъ, завѣщанныхъ другимъ сотрудникомъ В. К. Константина Николаевича, Николаемъ Милоутинымъ, Набоковъ не оставался чуждымъ судебной реформѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи и осуществленіи мѣръ для ея введенія въ Царствѣ польскомъ въ 1876 году, когда еще и Западный и Прибалтійскій край пользовались дарами устарѣлаго судебного устройства и сомнительнаго правосудія.

Въ трудное время пришлось ему занять постъ министра юстиціи. Радостно встрѣченные, при своемъ изданіи, судебные уставы при практическомъ ихъ примѣненіи къ жизни, во многихъ отношеніяхъ еще связанной тайными корнями со своекорыстными благами былого безсудія и безправія, вызвали во многихъ большое разочарованіе. Каждый шагъ ихъ воплощенія въ дѣйствительность сталъ встрѣчать противниковъ, не мирившихся съ гласностью по отношенію къ себѣ, — съ дѣйствительнымъ равенствомъ предъ судомъ, — съ чуждымъ заискиваніемъ поведеніемъ судебныхъ дѣятелей, смѣнившихъ старыхъ, услужливыхъ и презираемыхъ приказныхъ дѣльцовъ, — съ постановкою понятія о *состязаніи* вмѣсто понятія о *расправѣ* и т. д. Возникла своеобразная бухгалтерія, по которой въ *дебетъ* новыхъ учреждений преувеличенно крупнымъ шрифтомъ заносились малѣйшіе промахи, ошибки и неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ ружья человѣческихъ

недостатки, а въ *кредитъ* — ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при прежнемъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и величественнаго правосудія. Неожиданный исходъ нѣкоторыхъ процессовъ, неудовлетворившій спокойнымъ ожиданіямъ, далъ поводъ начать кричать „Hannibal ante portas!“ и ядовитые, въ мѣру своей несправедливости, эпитеты „судебная республика“ и „судъ улицы“ были наклеены, дрожащими отъ гнѣвнаго волненія руками, какъ ярлыкъ, на трудовую и столь часто самоотверженную дѣятельность обновленнаго русскаго суда.

Д. Н. Набокову пришлось серьезно считаться съ возбужденнымъ такими приемами недоверіемъ общества и съ вкоренившимся у насъ обычаемъ лѣчить кажущіяся болѣзненными бытовья явленія законодательными лекарствами, предлагаемыми съ тревожною поспѣшностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было прямодушно пойти на исправленіе того, что было задумано слишкомъ теоретически и оказывалось практически неприменимымъ или нецѣлесообразнымъ. Это нужно было сдѣлать прежде всего для успѣха самого судебного дѣла. Наконецъ, — и это должно было стать одною изъ главныхъ заботъ, — слѣдовало, отстаивая со спокойною твердостью основныя начала уставовъ — гласность, устность, непосредственность и свободу внутренняго убѣжденія судьи, неразрывно связанную съ его самостоятельностью, — и идя на уступки, заключавшія въ себѣ частичныя видоизмѣненія, могущія быть обращенными въ улучшенія, — не дать судебнымъ работникамъ упасть духомъ предъ шумѣвшей вокругъ непогодой. Все это было дѣломъ труднымъ, требовавшимъ, среди ежедневныхъ заботъ сложнаго управленія и всякаго рода „безполезнаго тренія“, напряженнаго вниманія и возвышенной любви къ истиннымъ задачамъ ввѣренной министру юстиціи отрасли государственной жизни. При этомъ было необходимо умѣть сочетать прямодушную защиту истины отъ вольныхъ и невольныхъ ея искаженій съ сохраненіемъ довѣрія къ чистотѣ своихъ побужденій.

Въ тревожные и смутные годы бытности Д. Н. Набокова министромъ можно было ожидать большого колебанія почвы подъ ногами судебныхъ уставовъ. Но благодаря его свойствамъ, итогъ измѣненій въ нихъ и „поправокъ“ свелся лишь къ несомнѣнному и въ высшей степени необходимому улучшенію въ составленіи и самомъ составѣ списковъ присяжныхъ засѣдателей, — къ весьма разумному ограниченію права отвода ихъ сторонами и къ учрежденію, въ составѣ Сената, Высшаго дисциплинарнаго суда, призваннаго, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, ограждать судебныя учрежденія отъ судей явно нерадивыхъ или, по внушаемому ихъ поступками неуваженію, недостойныхъ своего высокаго званія.

Этой уступкою, въ которой была большая доля жизненной правды, было куплено имъ сохраненіе и болѣе опредѣленное очертаніе начала судейской несмѣняемости, при чемъ Набоковъ зналъ, что, отстаивая это начало въ упорныхъ и тягостныхъ спорахъ, онъ, въ тоже время, даже достигнувъ своей цѣли, не встрѣтитъ сочувственнаго слова ни съ какой стороны.

Всегда пріятливый и откровенный, Набоковъ вызывалъ во всѣхъ судебныхъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ непосредственныя съ нимъ сношенія, отрадное сознание ихъ взаимной съ нимъ солидарности. Умѣнье оцѣнить по достоинству тяжелыя условія судебной работы, сердечно радоваться ея успѣху и входить съ деликатнымъ пониманіемъ въ затруднительныя нравственныя и матеріальныя обстоятельства подчиненныхъ и сослуживцевъ по общему дѣлу, невольно привязывали къ нему, давая возможность видѣть, какъ изъ за официальной оболочки министра сквозитъ сердечный человѣкъ, знающій, какъ тяжело бываетъ бремя жизни и понимающій поэтому, что „*qui n'est que juste — est cruel...*“ Склонный охотно выслушивать доводы о „смягчающихъ обстоятельствахъ“, даже и при необходимости твердо проявлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою власть,—Д. Н. Набоковъ не останавливался предъ опасеніемъ неизбежныхъ личныхъ неприятностей или тягостныхъ объясненій при принятіи мѣръ, нужныхъ, по его зрѣлому и долго созрѣвавшему убѣжденію, для пользы судебного дѣла. Такимъ же образомъ, настойчиво и безбоязненно, съ увѣренностью въ лучшихъ свойствахъ человеческой природы, дѣйствовалъ онъ и тогда, когда бывало нужно защитить или поставить „настоящаго человѣка на настоящее мѣсто“—*the right man of the right place....* Онъ трогательно гордился дарованіями представителей своего вѣдомства и охотно прислушивался къ ихъ голосу въ бесѣдахъ по важнѣйшимъ вопросамъ, возникавшимъ за его время. Не называя живущихъ еще, достаточно припомнить сдѣланную имъ оцѣнку способностей и свѣдѣній Николая Андріановича Неклюдова и высокое уваженіе, съ которымъ онъ относился къ Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, одному изъ первыхъ и выдающихся дѣятелей первыхъ дней судебныхъ уставовъ.

Поѣздка его по Россіи, въ 1884 году, для ревизіи судебныхъ учрежденій, сплотила вокругъ него провинціальныхъ труженниковъ судебного дѣла, поднимавъ ихъ энергію и вѣру въ свое званіе. Выводомъ изъ впечатлѣній этой поѣздки, о которой онъ любилъ вспоминать съ особымъ чувствомъ, была его рѣчь въ Москвѣ, въ круглой залѣ судебныхъ установлений. Въ этой рѣчи, указывая на то, что дѣятельность судовъ происходитъ на виду у всѣхъ, въ „стеклянномъ ульѣ“, Д. Н. Набоковъ съ достоинствомъ твердаго убѣжденія торжественно

опровергалъ „нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство“ и тѣмъ, конечно, вызвалъ взрывъ ихъ противъ себя лично.

Но не одному судебному устройству, ограждая его и направляя его дѣятелей, послужилъ покойный.

Его имя связано съ пересмотромъ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. По его докладу учреждены въ 1881 и 1882 годахъ коммиссіи для составленія проектовъ уголовного и гражданского уложенія. Къ обновленію нашего законодательства онъ относился съ живымъ интересомъ, слѣдя, между прочимъ, и за тѣмъ, какъ принимаются и толкуются практическими юристами главнѣйшія изъ намѣченныхъ первоначальными проектами положенія. Несмотря на массу своихъ служебныхъ обязанностей, онъ нашелъ время и возможность присутствовать въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго общества,—котораго былъ съ 1882 года почетнымъ членомъ,—приступившаго къ обсужденію первой главы общей части проекта уголовного уложенія.

При немъ, наконецъ, былъ окончательно разрѣшенъ сложный и спорный вопросъ о введеніи въ нашемъ Западномъ краѣ суда присяжныхъ и открыты Виленскій и Кіевскій судебные округа.

Оставивъ въ концѣ 1885 года управленіе министерствомъ юстиціи, Набоковъ непрерывалъ живой, сочувственной связи съ его дѣятелями. Его искренно огорчали нѣкоторыя изъ существенныхъ измѣненій въ уставахъ, прошедшія тотчасъ вслѣдъ за его уходомъ,—онъ горячо пріѣтствовалъ всякое благое начинаніе въ оставшемся ему близкимъ вѣдомствѣ. Въ послѣдній разъ увидѣлъ онъ себя окруженнымъ судебною семьей въ Москвѣ, въ 1898 году, за обѣдомъ, на который сошлись его старые сослуживцы, съѣхавшіеся на открытіе памятника незабвенному создателю новаго суда... Затѣмъ, годы и недуги стали брать свое—и смерть положила конецъ долгимъ страданіямъ. Будущему историку русскаго судебного дѣла будетъ ясно видно, какъ труденъ былъ фарватеръ, по которому Набокову приходилось вести ввѣренный ему корабль—и онъ отнесется со справедливымъ и искреннимъ уваженіемъ къ памяти этого кормчаго. Съ тѣмъ же чувствомъ къ этой памяти, конечно, не разъ обратятся и тѣ, кто испытавъ на себѣ, въ частной и общественной жизни, теплоту прекрасныхъ душевныхъ свойствъ покойнаго...

А. О. Кони.

Крестьянское право въ проектѣ гражданскаго уложенія.

I.

Давно назрѣвшая потребность нормировки закономъ гражданско-правовыхъ отношеній крестьянъ получила, наконецъ, общее признаніе, раздѣляемое и нашими правящими сферами.

Для удовлетворенія этой потребности, за послѣднее время, составлены два законопроекта, очень различныхъ между собой, исходящихъ изъ двухъ различныхъ вѣдомствъ, но преслѣдующихъ одну и ту же цѣль. Одинъ принадлежитъ комисіи по составленію общаго гражданскаго уложенія для всей Россіи, а другой, только что изготовленный, является результатомъ работъ, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, редакціонной комисіи по пересмотру крестьянскихъ положеній.

Эти проекты какъ бы конкурируютъ другъ съ другомъ и отъ дальнѣйшей судьбы ихъ при движеніи въ законодательномъ порядкѣ будетъ зависеть, которому изъ нихъ, въ концѣ концовъ, будетъ отдано предпочтеніе.

Независимо отъ того, что проектъ ред. комисіи, во всякомъ случаѣ, представляетъ возможный матерьялъ нашего будущаго законодательства, онъ имѣетъ громадный интересъ, какъ первая попытка распространенія гражданскаго кодекса на крестьянъ и созданія нормъ гражданскаго права для тѣхъ особыхъ правоотношеній, которыя сложились у крестьянъ, и которыя до сихъ поръ не нормированы закономъ.

Этотъ интересъ еще усиливается отъ того, что такая попытка сдѣлана юридическими силами, которыя были признаны достойными реформировать все наше гражданское право.

Работы комисіи по составленію гражданскаго уложенія въ области крестьянскаго права должны представить выдающійся интересъ еще потому, что и послѣ работы Министерства Вн. Дѣлъ, въ которой сдѣлана попытка кодификаціи спеціальнаго крестьянскаго права, работы комисіи по составленію гражданскаго уложенія, независимо отъ ихъ достоинствъ, должны быть признаны единственнымъ трудомъ въ области крестьянскаго права, предпринятымъ въ условіяхъ, при соблюденіи которыхъ только и можно ожидать плодотворныхъ результатовъ успешнаго исполненія предстоящей нашему законодательству задачи—водворенія среди крестьянскаго населенія нашей родины прочнаго гражданско-правового порядка.

Мы высказываемъ такое положеніе на томъ основаніи, что указанная задача можетъ быть удовлетворительно разрѣшена только при условіи полнаго выдѣленія гражданскаго права крестьянъ изъ сферы публичнаго права, съ которымъ оно слито въ настоящее время, и возможнаго объединенія крестьянъ въ области гражданскаго права со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Имперіи.

А эти условія именно и требуютъ, чтобы исполненіе данной задачи было поручено выдающимся юридическимъ силамъ страны, которыя будутъ призваны

для реформированія нашего общаго гражданскаго кодекса.

Всякая попытка регламентировать гражданское право крестьянъ, предпринятая не въ этихъ условіяхъ, не можетъ рассчитывать на успѣхъ.

Между тѣмъ работы комисіи по пересмотру крестьянскихъ положеній въ области разработки спеціальнаго гражданскаго права крестьянъ поставлены именно въ такія неблагоприятныя условія, такъ какъ онѣ по самымъ основаніямъ своимъ способствуютъ не возможному объединенію крестьянъ съ остальными слоями населенія Россіи, а, скорѣе, создаютъ еще большее разобщеніе ихъ.

Изложенными соображеніями обусловливается какъ значеніе работъ комисіи по проекту гражданскаго уложенія въ области крестьянскаго права, сохраняющагося за ними и *послѣ* выработки проекта пересмотра крестьянскихъ положеній, такъ и интересъ къ этимъ работамъ.

Мы надѣемся въ будущемъ посвятить нѣсколько статей подробному разбору той части проекта по *пересмотру крестьянскихъ положеній*, которая обнимаетъ собой гражданское право. Въ настоящее время этого еще сдѣлать нельзя, потому что именно по этой части проекта еще не составлена объяснительная записка съ мотивами, безъ которыхъ трудно обойтись при разборѣ выработанныхъ въ проектѣ нормъ крестьянскаго гражданскаго права.

Въ настоящихъ статьяхъ, въ которыя включено содержаніе нашего доклада, читаннаго въ Петербургскомъ юридическомъ обществѣ 8 ноября 1903 года, мы остановимся исключительно на разсмотрѣннй работѣ по *проекту гражданскаго уложенія* въ области крестьянскаго права, а для того, чтобы опредѣлить объемъ предстоящей комисіи въ этой области задачи, мы сначала въ бѣглыхъ чертахъ укажемъ по какимъ причинамъ оставлена она нашему времени крестьянскими законоположеніями 1861 года и на какихъ основаніяхъ предполагалось тогда разрѣшить ее въ будущемъ.

II.

Составители положенія 19 февраля 1861 года ясно сознавали, что ихъ великая работа не закончена, что, выработавъ начала освобожденія крестьянъ съ землей съ помощью выкупной операціи, они не создали для крестьянъ твердыхъ основаній для ихъ общественнаго и частнаго устройства. Сознавая это, они, однако, завѣдомо не пожелали осложнить свою работу выполненіемъ задачи, для исполненія которой еще не было достаточно выясненныхъ данныхъ, и которая, несомнѣнно, могла быть выполнена съ большимъ успѣхомъ тогда, когда переходное время временно обязанныхъ отношеній будетъ пройдено, и всколыхнувшая жизнь крестьянства войдетъ въ свое новое, свободное русло.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, творцы реформы нисколько не сомнѣвались, что эта задача въ ближайшемъ будущемъ должна быть исполнена. Они даже возвѣстили объ ея будущемъ исполненіи, приступивъ къ работамъ по составленію сельскаго устава (Скре-

бицкій, т. IV., стр. 434), которому, какъ извѣстно, не суждено было увидѣть свѣта. Они только справедливо боялись скороспѣлой нормировкой существующихъ въ крестьянской средѣ правоотношеній ограничить ту свободу крестьянъ въ самоустроении своего быта, которая была такъ дорога творцамъ освобожденія крестьянъ. „Изданіе сельскаго устава, говорится въ журналахъ Редакціонныхъ комиссій, нельзя не признать совершенно необходимымъ въ самомъ непродолжительномъ времени“. По Высочайше одобренной для занятій губернскихъ комитетовъ программѣ составленіе сельскаго устава совершенно правильно отнесено ко времени, слѣдующему не только за составленіемъ, но и за приведеніемъ въ исполненіе положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе занятій своихъ, говорится далѣе въ журналѣ, Редакціонныя комиссіи старались приготовить нужный для того матерьялъ вездѣ, гдѣ статьи сельскаго устава находятся въ связи съ составленнымъ ими положеніемъ.

Изъ изученія этого „предварительнаго“ матерьяла нельзя не убѣдиться, что составители положенія 1861 г. сознавали, что гражданско-правовыя отношенія крестьянъ должны быть основаны на ихъ обычно-правовыхъ воззрѣніяхъ. Это убѣжденіе они неоднократно выражали по отношенію ко многимъ видамъ имущественныхъ правоотношеній крестьянъ. Тѣ основныя начала, которыя содержатся въ общемъ и мѣстныхъ положеніяхъ о крестьянахъ, и въ положеніи о выкупѣ относительно правъ на полевою и на усадебную землю въ предѣлахъ надѣла, при общинномъ и при подворномъ владѣніи, восприняты Редакціонными комиссіями (какъ это видно изъ матерьяловъ, собранныхъ Скребицкимъ) послѣ тщательнаго опроса губернскихъ комитетовъ и частныхъ свѣдущихъ лицъ объ обычно установившихся отношеніяхъ въ данной области права.

Послуживъ источникомъ немногихъ, заключающихся въ положеніи 1861 года, законоположеній, касающихся частно-правовыхъ отношеній, обычное право въ области наследственнаго права признано главнымъ регуляторомъ этихъ отношеній (13 ст. общ. пол. 116 ст. пол. о вык., 15 ст. мѣст. велик. пол. и др.).

Почему только въ наследственномъ правѣ? Это объясняется тѣмъ, что здѣсь обычай, какъ источникъ права для государственныхъ крестьянъ, признавался еще съ 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія, т. е. задолго до изданія положенія 1861 года, почему составители этого положенія, при всей скудости постановленій по гражданскому праву, помѣщенныхъ ими въ положеніе 1861 года, сочли необходимымъ особенно упомянуть о значеніи обычая въ наследственномъ правѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніе обычая главнымъ регуляторомъ отношеній, вытекающихъ изъ наследственнаго права, неминуемо и логически неизбежно приводитъ къ выводу о томъ, что составители положеній 1861 года признавали преимущественное значеніе обычая и въ другихъ областяхъ имущественныхъ правоотношеній крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя тѣсно связаны съ наследственнымъ правомъ.

Наследственное право является правомъ произ-

воднымъ, зависящимъ, съ одной стороны, отъ строя семьи, отъ строя родственныхъ отношеній, а съ другой, отъ отношеній субъекта права къ вещамъ, подлежащимъ наслѣдованію. Иначе говоря, наслѣдственное право тѣсно связано съ правомъ семейственнымъ и съ правомъ вещнымъ и если въ наслѣдственномъ правѣ данной общественной группы установились опредѣленные отношенія, вылившіяся въ нормахъ обычнаго права, то надо а priori предположить существованіе обычаямъ установленнаго строя семейной и общественной жизни и отношеній по имуществу.

И, дѣйствительно, составители положенія 19 февраля 1861 г. неоднократно высказывались за необходимость широкаго примѣненія обычнаго права не только въ сферѣ наслѣдственнаго, но и въ другихъ областяхъ гражданскаго права. „По вопросу объ опредѣленіи правъ главы крестьянскаго семейства, читаемъ мы въ журналахъ редакціонныхъ комиссій, и порядка раздѣла крестьянскихъ семействъ, редакціонныя комиссіи признали необходимымъ предоставить крестьянамъ руководствоваться въ семъ отношеніи существующими мѣстными обычаями“. Было даже высказано мнѣніе, „что законоположенія по сему предмету имѣли бы послѣдствіемъ стѣненіе крестьянъ и въ большей части случаевъ оставались бы безъ исполненія“ (Скребицкій, т. I, стр. 19).

И нельзя не признать полной правоты творцовъ великой реформы въ томъ, что они не взяли съ собою временно съ освобожденіемъ крестьянъ вырабатывать полный и законченный строй гражданско-правовыхъ отношеній крестьянъ. Какъ во всемъ, они и въ этомъ вопросѣ стояли на правильномъ пути и смотрѣли на него съ той широтой взгляда, который имъ былъ такъ свойственъ и который и по настоящее время служитъ примѣромъ истинной государственной мудрости.

Прежде всего при выработкѣ крестьянскихъ положеній въ 1861 году имѣлись въ виду не всѣ крестьяне, а только часть ихъ: крестьяне помѣщичьи. Вырабатывать гражданскій кодексъ только для части крестьянъ, оставляя другіе разряды крестьянъ подѣйствіемъ другихъ законовъ, не было достаточныхъ оснований, а вырабатывать одновременно законоположенія объ имущественномъ правѣ, общія для всѣхъ разрядовъ крестьянъ, было невозможно, вслѣдствіе существенной разницы въ правовомъ положеніи тѣхъ и другихъ.

Только тогда, когда и бывшіе помѣщичьи и бывшіе государственные крестьяне перешли на выкупъ, когда съ окончаніемъ переходнаго времени всѣ разряды крестьянъ объединились въ общихъ условіяхъ сельской жизни,—настало время для той работы, которая многими справедливо считается главнѣйшей задачей нашего времени: созданію гражданскихъ законовъ, которые нормировали бы частно-правовыя отношенія крестьянъ.

Но съ этой задачей надо было спѣшить, и, конечно, она была бы давно исполнена, если бы руководителями русской жизни остались люди, создавшіе великія реформы царствованія Императора Александра II-го. Къ сожалѣнію, они скоро уступили мѣсто преемникамъ, которые не только не старались додѣлывать то, что не успѣли сдѣлать ихъ предше-

стенники, но всячески старались затормозить естественное развитие начал, положенных в основу освободительных реформ.

III.

Содѣянное дѣло остановки развитія русской жизни принесло горькіе плоды и горьчайшими они оказались именно в области крестьянской жизни. Крестьянское населеніе, составляющее свыше 80% населенія всей Имперіи, основа благосостоянія и могущества Россіи,—стало чахнуть, и в настоящее время обнаруживает грозные признаки полного оскудѣнія.

Въ послѣднее время наша научная литература обогатилась такими неопровержимыми свидѣтельствами этого положенія, что является затрудненіе не въ ихъ представленіи, а въ выборѣ изъ нихъ наиболѣе яркихъ, дабы не загрозомждать настоящаго очерка столбцами цифръ и не удивлять его изложениемъ многочисленныхъ явленій, свидѣтельствующихъ объ указанномъ оскудѣніи.

Мы, поэтому, остановимся только на тѣхъ фактахъ, которые приведены въ извѣстной по своей осторожной объективности книгѣ Тернера „Государство и землевладѣніе“, такъ какъ автора этой книги менѣе всего можно заподозрить въ тенденціозности.

Вотъ эти признаки въ краткомъ и сухомъ перечнѣ.

Общая недоимка однихъ казенныхъ сборовъ (со включеніемъ, впрочемъ, недоимокъ по земскимъ сборамъ въ неземскихъ губерніяхъ), достигла колоссальной цифры 108 милліоновъ рублей.

Въ послѣднее десятилѣтіе у насъ сократилось не только потребленіе вина¹⁾ и другихъ предметовъ, но даже потребленіе хлѣба. По приблизительному расчету еще недавно это потребленіе составляло у насъ 16,27 пудовъ на душу въ годъ, а въ послѣднее время оно понизилось до 13,90 пуд., т. е. уменьшилось почти на $2\frac{1}{2}$ пуда на душу. Одновременно уменьшилось потребленіе животныхъ продуктовъ. Зато потребленіе картофеля, этой пищи нищенствующаго населенія, съ 1861 года увеличилось на 200%!

Уменьшеніе размѣра питанія и замѣна питательныхъ веществъ менѣе питательными, а ргіогі должны были отозваться на организмъ жителей. И мы имѣемъ подтвержденіе этого предположенія въ опубликованныхъ свѣдѣніяхъ по отбыванію воинской повинности.

Въ теченіе семи лѣтъ процентъ сомнительныхъ и отсроченныхъ увеличился съ 37,31 до 46,49, а процентъ неспособныхъ вообще по отношенію къ числу принятыхъ на службу возросъ съ 64,52 до 78,92.

Такимъ образомъ, на каждые три человѣка, принятыхъ на службу въ войска, оказывается два неспособныхъ, а на каждые пять призываемыхъ—одинъ неспособный.

Въ виду такого постояннаго роста неспособныхъ, г. Тернеръ присоединяется къ мрачному и грозному выводу, что населеніе Имперіи, „живя въ проголодь, и при самыхъ противоположныхъ условіяхъ, идетъ по пути замѣтнаго вырожденія“!¹⁾

Вотъ печальные итоги экономическаго положенія крестьянства въ Россіи! Конечно, цѣлая совокупность неблагоприятныхъ причинъ привела къ тому явленію, предъ которыми мы стоимъ въ настоящее время: оскудѣнію и даже вырожденію нашего крестьянства. Конечно, это явленіе не зависитъ исключительно отъ отсутствія правовыхъ нормъ, регулирующихъ гражданскую жизнь крестьянъ. Но что это отсутствіе и, связанное съ нимъ, отсутствіе достаточнаго стимула для плодотворной и энергичной экономической дѣятельности, является не маловажнымъ факторомъ такого оскудѣнія, въ этомъ мы ни минуты не сомнѣваемся.

Не можетъ не парализовать экономической дѣятельности отсутствіе увѣренности въ неизбѣжности правъ собственности, отсутствіе свободы въ распоряженіи своимъ имуществомъ, неувѣренность въ возможности воспользоваться плодами своего труда. А именно таковы правовыя условія сельско-хозяйственной дѣятельности нашего крестьянства. Можно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ способы обработки земли находятся въ первобытномъ состояніи, что крестьяне не вводятъ въ хозяйствѣ дорого имъ стоящихъ улучшеній, и довольствуются той традиціонной хозяйственной дѣятельностью, которая даетъ сносные результаты при урожаяхъ и обращаетъ ихъ въ голодающихъ и нуждающихся въ помощи для избавленія отъ голодной смерти, при наступленіи неблагоприятныхъ климатическихъ условій неурожайныхъ годовъ.

Причинная связь между отсутствіемъ гражданского правопорядка и слабостью хозяйственной энергіи со стороны лицъ, хозяйственные интересы которыхъ не обезпечиваются гражданскимъ закономъ, до того очевидна, что намъ кажется излишнимъ останавливаться для доказательства этой мысли.

Достаточноымъ доказательствомъ этого положенія является отзывъ двухъ выдающихся нашихъ министровъ финансовъ, Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте, столь различно смотрѣвшихъ на задачи экономической политики, по своей спеціальности столь далекихъ отъ переоцѣнки значенія юридическихъ явленій въ экономической области и, тѣмъ не менѣе, категорически заявлявшихъ, что крестьянское нестроеніе вообще, и въ особенности въ области гражданскихъ правъ, является однимъ изъ главныхъ причинъ крестьянскаго оскудѣнія.

Это же положеніе выставлено было многими мѣстными комитетами о нуждахъ сельскаго хозяйства и недавно очень категорично высказано въ запискѣ представителей отъ земствъ въ комиссіи объ оскудѣніи центра. Поверхностные изслѣдователи крестьянской жизни, подмѣтивъ неопредѣленность гражданскихъ правъ крестьянъ, связанность личности крестьянина въ ея хозяйственной дѣятельности, поставили это

1) А оно, какъ это констатировано изслѣдователями, измѣняется только въ зависимости отъ различныхъ средствъ населенія.

1) Тернеръ, *op. cit.*, часть 2. Стр. 49 и 50.

явление въ зависимость отъ общинной собственности и думали, что только разрушивъ общину, можно будетъ устранить это явление. Въ настоящее время, кажется, ложность этого взгляда достаточно выяснена.

Неопредѣленность гражданскихъ правъ крестьянъ, мѣшающая проявленію личной инициативы хозяйственной дѣятельности крестьянина, обуславливается совсѣмъ другой причиной: она обуславливается главнымъ образомъ недостаточнымъ вниманіемъ къ этому вопросу со стороны законодательной власти, нежелаіемъ разстаться съ давно отжившимъ взглядомъ на крестьянъ, какъ на касту неполноправныхъ людей, требующихъ опеки и попечительства.

Пора, очень пора разстаться съ этимъ взглядомъ!

Но дѣйствующее право съ нимъ пока не разстается.

А. Леонтьевъ.

Государственное вознагражденіе невинно-привлеченныхъ къ уголовному суду¹⁾.

III.

Такое разнообразіе законодательной практики можетъ быть объяснено отсутствіемъ единства во взглядахъ на юридическую природу института государственнаго вознагражденія.

Въ то время, какъ одни изъ защитниковъ идеи государственнаго вознагражденія утверждаютъ, что выдача вознагражденія есть правовая обязанность государства, основанная на общемъ правовомъ положеніи, что причинившій матеріальный вредъ обязанъ возмѣстить его, другіе находятъ возможнымъ выводить принципъ вознагражденія только изъ соображеній гуманности и справедливости, которыми должна быть проникнута государственная дѣятельность.

Отъ разрѣшенія этого основнаго вопроса, потерявшаго, правда, въ настоящій моментъ свою остроту, послѣ того, какъ цѣлый рядъ государствъ ввелъ у себя институтъ вознагражденія, зависитъ отвѣтъ на цѣлый рядъ другихъ второстепенныхъ вопросовъ: о кругѣ лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе, о свойствѣ вреда, покрываемаго вознагражденіемъ, о размѣрахъ послѣдняго и, наконецъ, о самомъ порядкѣ полученія вознагражденія...

Въ виду того, что простая ссылка на гражданско-правовой принципъ возмѣщенія причиннаго вреда является вообще недостаточной для обоснованія юридической обязанности государства, сторонники этого послѣдняго взгляда стараются подкрѣпить его указаніемъ на такія уже общепризнанныя отношенія между

государствомъ и личностью, которыя подобны отношенію между государствомъ и оправданнымъ или освобожденнымъ отъ преслѣдованія и въ которыхъ государство является обязаннымъ къ выдачѣ вознагражденія.

Нельзя не замѣтить, что всѣ приводимыя съ этой цѣлью аналогіи и сравненія мало помогаютъ дѣлу. Не говоря уже о томъ, что они, будучи только сравненіями, не могутъ служить доказательствомъ, но даже и въ качествѣ сравненія они не способствуютъ выясненію принципа юридической обязанности государства вознаграждать потерпѣвшаго.

Въ самомъ дѣлѣ, если государство выдаетъ вознагражденіе при экспроприаціи, принудительно отчуждая въ свою пользу частную собственность, или за вредъ, причиненный несчастнымъ случаемъ на эксплуатируемыхъ имъ предприятияхъ, то въ этихъ случаяхъ оно или совершаетъ гражданскую сдѣлку купли-продажи, или дѣйствуетъ въ качествѣ частнаго предпринимателя, а отнюдь не въ качествѣ носителя судебного верховенства, какимъ оно является, привлекая къ уголовной отвѣтственности заподозрѣнныхъ въ учиненіи преступнаго дѣянія лицъ. Вознаграждая свидѣтелей, экспертовъ, присяжныхъ засѣдателей, государство стремится лишь облегчить ихъ служеніе дѣлу правосудія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно сопряжено со значительнымъ личнымъ ущербомъ. „Это вознагражденіе, по словамъ Ullmann'a, извѣстнаго австрійскаго процессуалиста, является только справедливымъ примиреніемъ коллизіи между суровыми требованіями гражданского долга и частными матеріальными интересами. А какую услугу оказываетъ государству невинно-привлеченный къ уголовной отвѣтственности своимъ несчастіемъ? ¹⁾).

Вообще ссылка на гражданско-правовой принципъ юридической обязанности государства представляется неудовлетворительной и совершенно несоотвѣтствующей публично-правовому положенію личности въ государствѣ. Неудачность этой ссылки видна, между прочимъ, уже изъ того, что сторонники противоположныхъ взглядовъ, въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, обращаются обыкновенно за помощью также къ началамъ гражданского права, указывая на положеніе: „qui suo jure utitur, neminem laedit“, „casum sentit dominus“ и т. п.

Для рѣшенія вопроса объ юридической обязанности государства, какъ справедливо замѣ-

¹⁾ Другія сравненія, приводимыя въ подкрѣпленіе юридической обязанности государства, какъ-то: случаи вознагражденія за вредъ, понесенный при исполненіи служебныхъ обязанностей, принятіе на счетъ государства судебныхъ издержекъ при оправданіи подсудимаго, вознагражденіе за незаконный арестъ должника въ гражданскомъ процессѣ съ казной, еще менѣе могутъ служить уясненію вопроса, въ виду полнаго несходства сравниваемыхъ условий.

¹⁾ См. „Право“ № 11.

чаетъ проф. Н. Н. Розинъ¹⁾, „слѣдовало бы прежде всего перенести его съ отношеній гражданскаго права на правоотношенія публичныя, т. е. выяснить сущность отношеній государства къ гражданину въ области карательной юстиціи, такъ какъ частно-правовымъ элементомъ здѣсь служить лишь моментъ вреда (laesio). какъ матерьяльное основаніе иска“. Такую именно попытку перенесенія и дѣлаетъ самъ проф. Розинъ, но при всей правильности постановки вопроса мы не можемъ согласиться съ выводами, дѣлаемыми авторомъ.

„Праву государства на преслѣдованіе и наказаніе, говоритъ г. Розинъ, соответствуетъ публичная и чисто-юридическая обязанность подчиниться этому преслѣдованію и наказанію лишь преступника, т. е. лица виновнаго въ правонарушеніи, предусмотрѣнномъ уголовнымъ закономъ“; такимъ образомъ, основнымъ условіемъ для существованія обязанности повиновенія преслѣдованію и наказанію является моментъ правонарушенія, „если такого момента нѣтъ, то нѣтъ и вытекающей изъ него обязанности, нѣтъ и соответствующаго ей права государства на преслѣдованіе и наказаніе; слѣд., подвергая уголовному преслѣдованію невиновнаго, государство поступаетъ неправомерно; изъ неправомерности же дѣйствій вытекаетъ чистѣйшая юридическая обязанность вознаграждать причиненный ими вредъ“.

Такова въ существенныхъ чертахъ новѣйшая въ литературѣ попытка обосновать юридическую обязанность государства вознаграждать невинно пострадавшихъ.

Я думаю, что нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, будто обязанность подчиняться преслѣдованію и наказанію лежитъ только на дѣйствительномъ виновникѣ наказуемаго правонарушения, а не на всякомъ лицѣ, противъ кого эти акты судебного верховенства направлены; подобная всеобщая обязанность повиновенія создается публично-правовымъ положеніемъ личности въ государствѣ. Изъ принадлежащаго государству права наказанія вытекаетъ ео ipso право на примѣненіе цѣлаго ряда принудительныхъ мѣръ, направленныхъ на осуществленіе этого права наказанія; для достиженія указанной цѣли государство, при посредствѣ своихъ органовъ, примѣняетъ эти принудительныя мѣры къ тѣмъ, кого оно предполагаетъ виновнымъ. При этомъ, въ виду ограниченности человѣческихъ силъ для распознаванія истины, даже для примѣненія высшей мѣры государственнаго принужденія—наказанія—не требуется абсолютной достовѣрности виновности подсудимаго, а представляется достаточной только лишь высшая степень вѣроятности ея, исключаяющая разумное сомнѣніе въ невиновности; тѣмъ меньшая степень вѣроятности требуется для принятія первоначаль-

ныхъ принудительныхъ мѣръ, употребляемыхъ при возбужденіи обвиненія; примѣненіе этихъ мѣръ оправдывается ихъ фактической необходимостью, а отнюдь не послѣдующимъ доказательствомъ виновности привлеченнаго къ суду. Но въ виду того, что мѣры судебного принужденія, какъ было указано раньше, сильно затрагиваютъ интересы личности, примѣненіе ихъ обставлено различными гарантіями, количество которыхъ возрастаетъ пропорціонально культурности государства; только нарушеніе этихъ гарантій и несоблюденіе всѣхъ установленныхъ условій будетъ актомъ неправомернымъ, создающимъ право иска, но не къ государству, а къ его органамъ, допустившимъ нарушеніе гарантій; по отношенію же къ государству, законно осуществляющему права своего верховенства, индивидъ никакого притязанія не имѣетъ.

Но отрицая подобное обоснованіе обязанности государства вознаграждать невинно-привлекаемыхъ къ уголовному суду, какъ не вытекающей изъ положенія личности въ государствѣ, я признаю въ то же время необходимость и цѣлесообразность введенія въ законодательство института государственнаго вознагражденія. Вполнѣ правильно мнѣніе проф. G. Jellinek'a, что въ общихъ интересахъ въ высшей степени полезно, чтобы вредъ, причиненный отдѣльной личности не незаконнымъ, а лишь ошибочнымъ осуществленіемъ государственной власти, былъ уничтоженъ¹⁾.

Обыкновенно, въ этомъ случаѣ говорятъ объ этическихъ соображеніяхъ, о непосредственномъ чувствѣ справедливости, гуманности, въ силу которыхъ государство должно вознаграждать лицъ, потерпѣвшихъ отъ неосновательнаго привлеченія къ суду. Я думаю, что указаніе на эти чувства, вслѣдствіе ихъ общности и неопредѣленности, должно имѣть второстепенное значеніе; на первый же планъ слѣдуетъ выдвинуть уголовно-политическія соображенія въ тѣсномъ смыслѣ, заставляющія признать институтъ государственнаго вознагражденія въ высшей степени цѣлесообразнымъ и желательнымъ дополненіемъ уголовно-процессуальнаго законодательства²⁾.

Современная уголовная политика требуетъ помощи и содѣйствія со стороны государственныхъ и общественныхъ силъ лицамъ, отбывшимъ наказаніе, чтобы такимъ путемъ облегчить имъ возвращеніе въ общество и содѣйствовать началу честной жизни; наоборотъ, давно осуждены всѣ мѣропріятія, затрудняющія реклассацию бывшихъ преступниковъ; признается поэтому въ высшей степени нецѣлесообразнымъ такая мѣра, какъ пожизненное ограниченіе въ правахъ, и въ законодательствѣ въ силу этого все болѣе и болѣе проникаетъ

¹⁾ См. указ. статью г. Розина, стр. 100.

¹⁾ См. Jellinek—

²⁾ См. Файницкій, указ. соч., стр. 48.

институтъ реабилитаціи, т. е. возстановленія черезъ нѣсколько лѣтъ въ правахъ лицъ, подвергшихся по судебному приговору ограниченію правъ, при удовлетвореніи опредѣленнымъ условіямъ относительно поведенія и образа жизни.

Если вполнѣ основательно указывается на цѣлесообразность такихъ мѣръ уголовной политики, какъ патронажъ и реабилитація, примѣняемыхъ по отношенію къ лицамъ, признаннымъ виновными, то тѣмъ болѣе необходимо и цѣлесообразно вмѣшательство государства въ судьбу лицъ, оказавшихся безъ всякой со своей стороны вины въ такихъ же неблагоприятныхъ условіяхъ, какъ и отбывшіе наказаніе за дѣйствительно учиненное преступное дѣяніе.

Государство обязано придти къ нимъ на помощь, возстановивъ ихъ честь и доброе имя и оказавъ матерьяльную поддержку ихъ разстроенному экономическому положенію. Отсутствіе такой поддержки можетъ имѣть вредныя послѣдствія для самого государства; недостатокъ средствъ и трудность найти заработокъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ преступности; лишенный своевременной помощи человекъ невольно толкается на путь легкой наживы, превращаясь мало-по-малу въ профессиональнаго преступника, увеличивая и безъ того непрерывно растущій классъ пролетаріата. Государство должно имѣть въ виду эти послѣдствія и обязано употреблять все мѣры къ ихъ предотвращенію; отъ этого оно только выиграетъ. Судебныя ошибки подрываютъ въ населеніи довѣріе къ судебной власти, онѣ уменьшаютъ въ немъ уваженіе къ закону. Облегчая участь тѣхъ, кто, безъ всякой со своей стороны вины, сдѣлался жертвой несовершенства человѣческой природы и недостатковъ судебной организаціи, государство вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало бы поднятію авторитета судебной власти¹⁾.

Всѣми этими уголовно-политическими соображеніями разрѣшаются безъ труда и дальнѣйшіе вопросы относительно личныхъ и матерьяльныхъ условій вознагражденія. Между тѣмъ сторонникамъ юридической обязанности государства при рѣшеніи этихъ вопросовъ приходится сталкиваться съ различными затрудненіями, невыгодно отражающимися на практическомъ осуществленіи идеи вознагражденія. Такъ, прежде всего среди представителей этого воззрѣнія встрѣчаются такіе, которые признаютъ эту обязанность за государствомъ лишь въ отношеніи невинно-осужденныхъ, отбывшихъ вполнѣ или отчасти назначенное имъ наказаніе, по отношенію-же къ невинно-привлеченнымъ и освобожденнымъ до суда или оправданнымъ по суду допускаютъ вознагражденіе по соображеніямъ гуманности и справедливости. Едва-ли можно и слѣдуетъ про-

дѣть такое рѣзкое различіе между этими категоріями; въ положеніи невинно-осужденныхъ и оправданныхъ нѣтъ принципиальной разницы, существуетъ разница лишь количественная въ размѣрѣ понесеннаго нравственнаго и матерьяльнаго ущерба, носящая при этомъ совершенно случайный характеръ, въ зависимости отъ того момента, когда обнаружилась невинность привлеченнаго¹⁾.

И тѣ и другіе одинаково пострадали отъ ошибочнаго направленія, по существу правомѣрной, дѣятельности государства и потому могутъ одинаково разсчитывать на вознагражденіе за понесенный ущербъ, при равенствѣ, конечно, другихъ условій.

Условія, могущія оказать вліяніе на полученіе вознагражденія, заключаются, съ одной стороны, въ степени доказанности невинности привлеченнаго, съ другой стороны, — *въ его поведеніи во время смѣтствія и суда.*

Съ точки зрѣнія юридической обязанности государства право иска къ государству о вознагражденіи можетъ принадлежать не всѣмъ оправданнымъ и освобожденнымъ отъ суда, а только лицамъ, невинность которыхъ вполнѣ доказана, такъ какъ только по отношенію къ такимъ лицамъ возбужденное преслѣдованіе можетъ представляться неправомѣрнымъ, простое-же опредѣленіе о прекращеніи дѣла или оправдательный приговоръ являются лишь результатомъ отсутствія уликъ. Вопросъ о доказательствѣ невинности, какъ необходимомъ условіи полученія вознагражденія, обсуждался подробно на XI сѣздѣ германскихъ юристовъ и здѣсь, въ результатѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, была выработана, при участіи Ullmann'a, Meyer'a и Schwarze, слѣдующая формула, принятая впоследствии какъ большинствомъ писателей, такъ и усвоенная большимъ количествомъ положительныхъ законодательствъ: „для наличности права на вознагражденіе должно быть доказано, что преступное дѣяніе вовсе не было совершено или совершено не обвиняемымъ, или признается по закону дѣяніемъ ненаказуемымъ“.

Создаваемое такой системой дѣленіе всѣхъ оправданныхъ и освобожденныхъ отъ суда на двѣ категоріи: оправданныхъ и освобожденныхъ, получившихъ вознагражденіе и вознагражденія не получившихъ встрѣчаетъ сильное возраженіе въ литературѣ; указываютъ, что такимъ путемъ возстановляется старая система среднихъ приговоровъ объ оставленіи въ подозрѣніи (*absolutio ab instantia*), со всѣми ея невыгодными послѣдствіями; современный уголовный процессъ исходитъ изъ „*praesumptio boni*“, предположенія о невинности подсудимаго и во всѣхъ случаяхъ прекращенія дѣла до суда или оправданія привле-

¹⁾ Ср. Фойницкій, указ. соч., стр. 53—56.

¹⁾ См. Розинъ, указ. раб. стр. 105; contra Фойницкій, стр. 48.

ченный считается невиновнымъ. „Нельзя сказать, замѣчаютъ Prins и Pergameni: я освобождаю этого человѣка отъ преслѣдованія, однако, считаю его виновнымъ“. Дѣйствительно, при признаніи за государствомъ обязанности вознаграждать всѣхъ невинно-пострадавшихъ, невинность которыхъ вполнѣ доказана, положеніе лицъ, освобожденныхъ отъ суда или оправданныхъ, но вознагражденія не получившихъ, будетъ весьма неблагоприятно; общество всегда будетъ относиться къ нимъ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ и осторожностью, будетъ видѣть въ нихъ ловкихъ людей, сумѣвшихъ ускользнуть изъ рукъ правосудія ¹⁾. Но, несмотря на это, слѣдуетъ, признать основательность выставленныхъ большинствомъ ограниченій относительно выдачи вознагражденія только тѣмъ лицамъ, невинность которыхъ доказана, такъ какъ противоположное рѣшеніе могло-бы превратить вознагражденіе въ премію за большую ловкость въ сокрытіи доказательствъ; я думаю только, что невыгоды положенія лицъ, не получившихъ вознагражденія, нѣсколько сгладятся, если мы будемъ смотрѣть на вознагражденіе не какъ на юридическую обязанность государства, а какъ на пособіе, выдаваемое государствомъ потерпѣвшему, въ виду его стѣсненнаго матеріальнаго положенія, разстроеннаго привлеченіемъ къ суду, такъ какъ при такомъ взглядѣ на институтъ государственнаго вознагражденія центръ тяжести вопроса будетъ заключаться не столько въ степени доказанности невинности, сколько въ фактѣ разстройства матеріальнаго положенія привлеченнаго и въ невозможности для него встать на ноги безъ пособія со стороны государства. При такомъ способѣ рѣшенія вопроса на ряду съ лицами, которымъ отказано въ вознагражденіи, вслѣдствіе отсутствія убѣжденія въ ихъ невинности, будутъ находиться лица, которыя, несмотря на ихъ очевидную невинность, точно также не получаютъ вознагражденія, такъ какъ привлеченіе къ суду почему либо не сопровождалось для нихъ указанными вредными послѣдствіями матеріальнаго характера; перенесенныя-же нравственныя страданія не могутъ быть искуплены деньгами. Для смягченія ихъ и возстановленія чести должно быть введено „идеальное“ вознагражденіе въ видѣ опу-

¹⁾ Сторонники указанныхъ ограниченій права на вознагражденіе имѣютъ въ виду или, по крайней мѣрѣ, говорятъ только о вознагражденіи матеріальномъ; изъ ихъ молчанія относительно идеальнаго вознагражденія можно заключить, что они допускаютъ возстановленіе нарушенной чести и добраго имени по отношенію ко всѣмъ оправданнымъ и освобожденнымъ отъ суда. Но при такомъ рѣшеніи создается внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, привлеченный торжественно объявляется свободнымъ отъ всѣхъ стѣсненій и возстановляется въ своихъ правахъ, съ другой стороны, его лишаютъ вознагражденія подѣ предлогомъ убѣжденія въ его невинности.

бликованія за счетъ казны опредѣленій о прекращеніи дѣла или оправдательныхъ приговоровъ. Но примѣненіе этой мѣры должно быть поставлено въ исключительную зависимость отъ усмотрѣнія самого оправданнаго или освобожденнаго отъ преслѣдованія, такъ какъ честь есть понятіе исключительно субъективное и только самъ оправданный или освобожденный можетъ судить и быть заинтересованнымъ въ томъ или иномъ способѣ ея удовлетворенія; только онъ самъ можетъ рѣшить, будетъ-ли удовлетворена его честь опубличиваніемъ приговора, въ которомъ сказано, что онъ оправданъ за недостаткомъ доказательствъ.

Другое ограниченіе права на вознагражденіе, указанное въ литературѣ и принятое положительными законодательствами, заключается въ поведеніи привлеченнаго къ отвѣтственности за время производства о немъ дѣла. По мнѣнію защитниковъ этого ограниченія, если обвиняемый своимъ поведеніемъ во время слѣдствія, попыткой бѣжать, скрыть слѣды преступленія, вступитъ въ соглашеніе со свидѣтелями или своими ложными показаніями препятствовалъ производству дѣла, заставилъ употребить такую крайнюю мѣру какъ лишеніе свободы, или, если, вслѣдствіе его поведенія, это лишеніе свободы было удлинено, то и послѣ оправданія или, освобожденія отъ преслѣдованія онъ лишается права на вознагражденіе ¹⁾.

Мнѣ кажется, что рѣшеніе вопроса въ такой категорической формѣ не можетъ быть принято и то, что Schwarze назвалъ „*processualer Ungehorsam*“ (процессуальнымъ непослушаніемъ), не можетъ являться причиной отказа въ вознагражденіи ²⁾. Рѣшая этотъ вопросъ, необходимо, мнѣ кажется, имѣть въ виду два соображенія: 1) что въ современномъ процессѣ „*onus probandi*“—бремя доказыванія лежитъ на обвинителѣ и переносится на обвиняемаго лишь при желаніи съ его стороны опровергнуть положенія, доказанныя обвинителемъ, и 2) что обвиняемые, подѣ влияніемъ испуга, замѣшательства, необычайности обстановки, даютъ очень часто спутанные и неясные отвѣты, оговариваютъ другихъ и вообще склонны думать, что вымыслы ихъ фантазіи гораздо правдоподобнѣе дѣйствительности. Имѣя въ виду оба эти соображенія, я думаю, слѣдуетъ различать случаи упущенія со стороны привлеченнаго, т. е. не совершенія имъ тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ служить раскрытію истины, и случаи учиненія привлеченнымъ дѣйствій, направленныхъ на сокрытіе истины; случаи перваго рода не должны оказывать никакого влияния на рѣшеніе вопроса о

¹⁾ Этотъ взглядъ нашелъ себѣ защитниковъ на XII и XIII сѣздахъ германскихъ юристовъ; за него высказались Heinze, Zucker, Bouneville-de Marsangy; онъ принятъ законами австрійскимъ, шведскимъ и мексиканскимъ.

²⁾ См. также Н. Н. Розина, указ. ст., стр. 111.

выдачѣ вознагражденія, такъ какъ они обусловливаются и оправдываются положеніемъ обвиняемаго въ процессѣ; случаи же второго рода могутъ служить препятствіемъ къ полученію вознагражденія, если они не были вызваны психическимъ состояніемъ обвиняемаго (страхомъ, смущеніемъ и недоразумѣніемъ) и сознательно направлялись на вовлеченіе въ заблужденіе судебныхъ органовъ, а не на скорѣйшее прекращеніе судебной процедуры.

В. Ширяевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

(Засѣд. гражд. касс. деп. 3 марта).

III.

Возможно-ли возникновеніе вновь, послѣ изданія закона 9 іюня 1886 г., вѣчно-чиншеваго владѣнія земельными участками внѣ губерній западныхъ и бѣлорусскихъ.

Искъ Хасина къ Березовскому городскому управленію о признаніи за нимъ права вѣчночиншеваго владѣнія мѣстомъ на площади мѣстечка (нынѣ города) Березовки, Херсонской губ., основанный на установленныхъ владѣльцемъ мѣстечка, въ 1844 г. кондиціяхъ и открытомъ листѣ, выданномъ въ 1891 г. праводательницѣ истца Македоновой, былъ признанъ судебною палатою не подлежащимъ удовлетворенію, по слѣд. основаніямъ. Наше законодательство только въ исключительныхъ, точно указанныхъ въ законѣ случаяхъ, допускаетъ безсрочное, потомственное владѣніе и пользованіе чужимъ имуществомъ, по общему же правилу (ст. 420, 432, 514, 542 и 1692 т. X ч. I) собственникъ можетъ выдѣлить владѣніе и пользованіе въ особое право только позизненно или срочно; въ виду этого, даже въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, гдѣ возникшіе ранѣе чиншевыя отношенія были санкціонированы закономъ, со дня подчиненія ихъ дѣйствію общаго законодательства въ силу указа 25 іюня 1840 г., возникновеніе вновь вѣчно-чиншеваго владѣнія должно быть признано несогласнымъ съ указаннымъ общимъ принципомъ русскаго договорнаго права; тѣмъ менѣе могутъ имѣть значеніе такого рода фактическія правоотношенія въ другихъ мѣстностяхъ имперіи и въ частности въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ чиншевое владѣніе, если и существуетъ фактически, то лишь со второй четверти 19-го столѣтія и лишено, такимъ образомъ, не только законнаго, но и общеправоваго основанія. Сверхъ того, по силѣ закона 1886 г., на который ссылается истецъ, признаніе его вѣчно-чиншеваго владѣнія было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы оно возникло не позже какъ за десять лѣтъ до изданія означеннаго закона, владѣніе же праводательницы истца началось лишь въ 1891 г., и къ нему можетъ быть примѣнена лишь ст. VIII мнѣн. Госуд. Сов. 9 іюня 1886 г.

Въ касс. жалобѣ повѣренные Хасина и Македоновой указывали, что соображенія палаты противорѣчатъ, какъ указаніямъ закона, такъ и бытовымъ условіямъ возникновенія и распространенія у насъ чиншевыхъ отношеній. Последнія чужды нашему законодательству лишь по названію, по содержанію же вполне аналогичная аграрная форма землевладѣнія часто встрѣчается въ нашихъ узаконеніяхъ подъ терминомъ „водвореніе на чужой землѣ“ (ст. 7 общ. пол. о

крест.; зак. 14 ноября 1833 г.—2 П. С. З.—№ 11746). Право собственника на уменьшеніе своего права, путемъ отдѣленія отъ него владѣнія и пользованія даже безсрочнаго, не только нигдѣ закономъ не ограничено, но и прямо допускается, какъ видно изъ ссылки подъ ст. 514 т. X ч. I, а равно и сопоставленія ея со ст. 515 и въ особенности со ст. 304 того же тома по изд. 1832 г. Не правильна и ссылка палаты на ст. 1692 т. X ч. I, ибо чиншевыя отношенія не имѣютъ ничего общаго съ правомъ аренднаго пользованія. Возникновеніе чиншевыхъ мѣстечекъ въ Новороссіи и, въ частности, въ Херсонской губ. относится къ началу 19-го вѣка, когда само правительство, въ видахъ заселенія края, раздавало частнымъ лицамъ земли на началахъ, почти тождественныхъ съ чиншевымъ владѣніемъ, при чемъ владѣльцы обязаны были, въ свою очередь, заселить пожалованные земли (указъ 31 дек. 1804 г.), даже путемъ „водворенія“ на нихъ иностранцевъ. Возникновеніе здѣсь чиншевыхъ отношеній было, такимъ образомъ, исполнѣе законно и это нашло себѣ подтвержденіе, между прочимъ, въ дарованіи Березовкѣ городского устройства, которое было бы невозможно при отсутствіи у жителей мѣстечка вотчиннаго права на землю. Мѣстечко Березовка неоднократно переходило отъ однихъ лицъ къ другимъ, и сами вотчинники никогда не оспаривали чиншевыхъ правъ жителей, которые всегда признавались и судебными мѣстами. За отсутствіемъ закона, прямо воспреещающаго чиншевыя сдѣлки, слѣдуетъ допустить, что, если бы законодатель предсмотрѣлъ чиншевыя отношенія въ Новороссійскомъ краѣ, онъ не впалъ бы въ явную несправедливость, лишая населеніе многихъ городовъ и мѣстечекъ издавна пріобрѣтенныхъ правъ и результата ихъ вѣкового труда; это подтверждается и общимъ духомъ закона 9 іюня 1886 г.

Повѣренный города, пом. прис. пов. Винаверъ ходатайствовалъ объ оставленіи жалобы безъ послѣдствій по слѣдующимъ основаніямъ. Кассационная жалоба основана на довольно обычномъ и въ литературѣ вопроса смѣшеніи двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ должно быть разсматриваемо чиншевое право, въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь о возникновеніи его, или же о ликвидаціи путемъ выкупа; въ послѣднемъ случаѣ права чиншевикова, безъ сомнѣнія, должны быть конструируемы какъ можно шире, съ возможнымъ приближеніемъ ихъ къ правамъ собственниковъ. Иное дѣло—санкціонированіе возникающихъ вновь чиншевыхъ отношеній, которыя являются у насъ привнесеннымъ извнѣ пережиткомъ западно-европейскаго феодальнаго строя, чуждымъ основнымъ началамъ нашего законодательства. Число санкціонируемыхъ вещныхъ правъ, въ противоположность отношеніямъ обязательственнымъ, строго ограничено, и изъ нихъ только собственность имѣетъ вѣчный характеръ, всѣ остальные виды владѣнія—срочны. Приведеніе пестрыхъ, разнообразныхъ и неустойчивыхъ чиншевыхъ отношеній къ болѣе простому типу собственности и обусловило выкупъ чиншевыхъ правъ въ Польшѣ и Бѣлоруссіи и, такимъ образомъ, даже въ этихъ окраинахъ, гдѣ чиншевое право существовало издавна, возникновеніе его вновь должно быть признано теперь недопустимымъ; тѣмъ менѣе это допустимо въ Новороссійскомъ краѣ, никогда не находившемся подъ дѣйствіемъ польскихъ законовъ и Литовскаго статута. Рѣшеніе палаты представляется, такимъ образомъ, вполне согласнымъ съ началами дѣйствующаго нашего законодательства, а о лишеніи чиншевикова результата ихъ „вѣкового труда“ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи уже потому, что владѣніе самой праводательницы Хасина началось лишь въ 1891 г.

Тов. об.-прок. Зачинскій указалъ, что палата неправильно истолковала мотивы закона, 1886 г.,

будто бы признававшего чиншное право чуждым духу нашего законодательства; таковым оно признано только в мѣнѣнн Министерством Внутр. Дѣлъ, не нашедшем сочувствія въ Госуд. Совѣтѣ; неправильно и соображеніе о томъ, что названный законъ воспретилъ возникновеніе чиншневыхъ отношеній послѣ 1876 г.; это относится только къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ дѣйствуютъ чиншевыя присутствія, и къ настоящему дѣлу не приложимо.

Жалоба оставлена Правит. Сенатомъ безъ послѣдствій.

IV.

Тотъ же вопросъ возникъ по жалобѣ Бревермана на рѣшеніе Одесской суд. палаты, признавшей недѣйствительнымъ договоръ жалобщика съ экономическимъ управленіемъ м. Захарьевки, Херсонской губ., заключенный въ 1894 г. и предоставившій Бреверману пользованіе мѣстомъ подъ постройку лавки съ обязательствомъ уплаты чинша по 12 р. въ годъ.

V.

Дѣйствителенъ ли вексель, выданный, безъ соблюденія правилъ прилож. къ ст. 38 пол. объ инор., повѣреннымъ не признаннаго оспылымъ инородца—якута, который передъ выдачею векселя выразилъ временное свидѣтельство 2 гилди, но оставался въ инородческомъ обществѣ.

Искъ Кальмейера къ якуту Лепчикову о взысканіи по векселю былъ удовлетворенъ Иркутской суд. палатой, признавшей, что требуемое прилож. къ ст. 38 пол. объ инор. одобреніе выдаваемыхъ инородцами долговыхъ обязательствъ инородною управою, по смыслу п.п. 7—12 означеннаго приложенія, не ограничиваетъ дѣеспособности инородцевъ, а лишь ограждаетъ интересы заимодавцевъ; въ законѣ нѣтъ притомъ указанія на недѣйствительность обязательствъ, выданныхъ безъ соблюденія указанныхъ правилъ, о векселяхъ-же въ правилахъ не упоминается вовсе. Въ касс. жалобѣ Лепчиковъ указывалъ, что правила приложенія къ ст. 38 несомнѣнно и безусловно ограничиваютъ самостоятельность инородцевъ при выдачѣ долговыхъ обязательствъ, а потому они не могутъ, въ силу ст. 6 уст. векс., самостоятельно обязываться и векселями, какъ это подтверждено рѣш. Правит. Сен. 1870 г. № 876 и 1871 г. № 95 въ отношеніи евреевъ—колонистовъ; согл. п. 3 названнаго приложенія займы безъ явки не покровительствуются закономъ и не пріемлются къ разбирательству ни въ полицейскихъ, ни въ судебныхъ мѣстахъ; спорящимъ предоставляется разбираться полюбовно и притомъ, по силѣ ст. 307 пол. объ инор., такой разборъ есть окончательный, и палата, принявъ къ своему разсмотрѣнію такой искъ, нарушила также ст. 584 уст. гражд. суд.

Рѣшеніе отмѣнено по нарушенію ст. 6, 2 прил. къ 38 ст. о займ. у Сиб. ин.

Правительствующій Сенатъ.

Защита отъ обвиненія въ клеветѣ какъ самостоятельное преступленіе.

(Отъ нашего корреспондента).

12 марта 1904 года слушалось дѣло Шиленко, обвиняемаго Холодовскимъ въ клеветѣ въ бумагѣ, поданной официальному лицу.

Предсѣдательствовалъ сенаторъ Рѣпинскій, дѣло докладывалъ сенаторъ Постовскій, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Шидловскій, поддерживалъ кассационную жалобу въ засѣданіи Сената защитникъ Шиленко, присяжный повѣренный Куликовъ, возражалъ повѣренный Холодовскаго, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Клоповъ.

28 мая 1899 г. повѣренный Холодовскаго, прис. повѣренный И. А. Клоповъ подалъ мир. судѣ 5 уч. г. Харькова жалобу, въ которой объяснилъ, что довѣритель его 30 апрѣля 1899 г. получилъ письмо отъ Шиленка, и предъявилъ отъ имени Х. къ Ш. два обвиненія, въ оскорбленіи и клеветѣ, при чемъ просилъ подвергнуть Ш. отвѣтственности по 136 и 137 ст. уст. о наказ.

Въ письмѣ, полученномъ Х. отъ Ш., между прочимъ, послѣдній пишетъ, что „Х. лгалъ, какъ подлый мерзавецъ“, что „если онъ не запячквалъ своихъ рукъ о его пухлыя щеки, то только потому, что Х. обѣщалъ подтвердить свои слова на какой-то другой почвѣ“, что онъ, Ш., долго ожидалъ встрѣчи на какой-то другой почвѣ, но не дождался. Далѣе Ш. спрашиваетъ: „Неужели вы думаете, что достаточно быть мерзавцемъ, чтобы безнаказанно оскорблять честныхъ людей“. Продолжая письмо, Ш. замѣчаетъ, что „онъ терпѣливъ и вообще избѣгаетъ всякихъ дѣлъ съ ворами и мошенниками“, что простили нанесенную ему обиду не можетъ, а потому требуетъ, чтобы Х. доказалъ его обвиненіе или письменно извинился передъ нимъ, въ противномъ случаѣ онъ, Ш., будетъ считать, что „ваша опухшая морда требуетъ массажа“. Заканчивая письмо, Ш. говоритъ, „что онъ, Х., раньше еще сдѣлалъ въ отношеніи его большую подлость, такъ какъ онъ рекомендовалъ его Губонину и помѣстилъ въ Голубовское товарищество, а онъ, Х., обворовалъ и Губонина, и товарищество; поэтому онъ, Ш., можетъ сказать, что Х. воръ и мошенникъ, что можетъ доказать фактами во всякое время“. Затѣмъ Ш. добавляетъ, что содержаніе этого письма онъ сообщилъ знакомымъ.

Въ письменномъ заявленіи, поданномъ мировому судѣ, по поводу жалобы Х., Ш., между прочимъ, излагаетъ, что въ письмѣ, написанномъ имъ Х., ничего нѣтъ, такъ какъ все сказанное въ немъ истинная правда, что, называя Х. воромъ и мошенникомъ, онъ именно употребляетъ эти слова не какъ бранныя, а какъ выраженія, опредѣляющія степень справедливыхъ качествъ Х.; что, называя это воромъ и мошенникомъ, онъ указываетъ на опредѣленные факты и предлагаетъ доказать ихъ.

Мир. судья, признавъ Ш. виновнымъ въ оскорбленіи на письмѣ и въ клеветѣ, приговорилъ его, на основаніи 130 и 136 ст. уст. о нак. и 16 ст. того же устава, къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Затѣмъ дѣло это перешло въ Харьк. сѣздъ мир. судей, который, разсмотрѣвъ таковое, призналъ Ш. виновнымъ лишь по 131 ст. уст. о нак., т. е. въ нанесеніи обиды въ письмѣ, и приговорилъ его къ аресту при земскомъ домѣ на пятнадцать дней.

Приговоръ этотъ былъ кассированъ Пр. Сенатомъ по жалобѣ Ш. и при вторичномъ разсмотрѣніи сѣздомъ этого дѣла Ш. былъ приговоренъ къ аресту на 7 дней.

На тотъ же приговоръ мирового сѣзда подавалъ касс. жалобу и Х., жалуясь на то, что сѣздъ не разсмотрѣлъ вопроса о клеветѣ, но жалоба эта Сенатомъ была оставлена безъ послѣдствій.

Тогда повѣренный Х., прис. пов. И. А. Клоповъ, представилъ г. прокурору Харьк. окр. суда копію объясненія, поданнаго Ш. мировому судѣ при защитѣ его по вышеозначенному дѣлу, и предъявилъ къ Шиленко обвиненіе по 1535 ст. улож. о нак.

8 мая 1900 г. харьк. окруж. судъ, разсмотрѣвъ дѣло о Ш. по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. улож., приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца.

Судебная палата въ измѣненіе этого приговора опредѣлила заключить кушца Александра Шиленко подъ арестъ на 10 дней.

На приговоръ этотъ судебной палаты защитникъ Шиленко, прис. повѣренный Куликовъ, принесъ кассационную жалобу, въ которой привелъ два основанія къ отмѣнѣ приговора.—1. Палата лишила воз-

возможности III. представить *exceptio veritatis*, отказавъ ему въ частныхъ ходатайствахъ, и 2. Шиленко судили за одинъ и тотъ же проступокъ, судили за то, что онъ осуществилъ свое право обвиняемаго. Холодовскій приносилъ уже жалобу, въ коей обвинялъ Шиленко и въ оскорбленіи, и въ клеветѣ, выраженной въ письмѣ Шиленко къ Холодовскому, копія какового письма представлена и при подачѣ жалобы по настоящему дѣлу. При производствѣ этого дѣла Шиленко, какъ обвиняемый, долженъ былъ, конечно, давать объясненія. Давая эти объясненія, Шиленко пользовался своимъ правомъ не только всякаго обвиняемаго, но еще болѣе—обвиняемаго въ клеветѣ. Обвиняемый въ клеветѣ можетъ доказывать, что то, что онъ говорилъ про обвинителя,—истинно, и всякій обвинитель въ клеветѣ на то. вѣдь, и видеть, что всѣ эти факты, которые онъ считаетъ позорящими его имя, будутъ разсматриваться и обсуждаться на судѣ. Въ первомъ процессѣ Шиленко подалъ объясненіе, которое, что понятно, вполне касалось инкриминируемаго ему письма и являлось осуществленіемъ его правъ на *exceptio veritatis*. Это объясненіе инкриминируется ему теперь, какъ самостоятельное преступленіе.

Такимъ образомъ онъ, Шиленко, обвиняется, во первыхъ, въ томъ дѣяніи, которое являлось осуществленіемъ его правъ, и, во вторыхъ, въ томъ дѣяніи, за которое онъ уже разъ судился. То, что это теперь явилось уже въ другой формѣ, а именно, въ бумагѣ, поданной официальному лицу, насколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ такія объясненія *exceptio veritatis* иначе и не могутъ быть даны, какъ или на бумагѣ, поданной официальному лицу, или устно, но съ занесеніемъ въ протоколъ, что для состава 1535 ст. ул. о нак. все равно. Если признать, что въ настоящее время это не есть второе производство по тому же предмету, то тогда возможенъ такой безконечный рядъ жалобъ. Положимъ, судъ выноситъ по настоящему дѣлу оправдательный приговоръ. Г. Холодовскій беретъ копію объясненія по настоящему дѣлу или копію протокола, въ которыхъ должны встрѣтиться опять указанія на тѣ же обстоятельства, и начинаетъ новое дѣло по обвиненію въ клеветѣ въ официальной бумагѣ—и такъ безъ конца.—То обстоятельство, что въ клеветѣ мировымъ съездомъ Шиленко былъ оправданъ, а обвиненъ лишь въ оскорбленіи, не измѣняетъ дѣла, ибо рядомъ съ 22 ст. въ уст. уг. суд. имѣется 21 ст. На оправданіе мировымъ съездомъ Шиленко въ клеветѣ Холодовскій подавалъ жалобу Правительствующему Сенату, и жалоба эта оставлена безъ послѣдствій, и такимъ образомъ оправданіе Шиленка вошло въ законную силу.

Въ дополненіе къ этимъ доводамъ въ засѣданіи палаты прис. п. Куликовъ указывалъ,—что въ рѣшеніи по д. Шенеха 1884 года Прав. Сенатъ признавалъ, что если подсудимый, защищаясь, оговариваетъ кого-либо въ безчестныхъ дѣйствіяхъ, не относящихся къ обстоятельствамъ дѣла, то не можетъ быть примѣненъ 10 п. 129 ст. улож., это есть новое преступленіе—клевета. А *contra*: если это касается обстоятельствъ настоящаго обвиненія—это способъ защиты и влечетъ за собою лишь репрессію по 10 п. 129 ст. уложения. Въ рѣшеніи по д. Дорна найдено, что помѣщеніе въ газетѣ отчета, гдѣ повторены всѣ позорящія утверждения, составляющія обвиненіе въ клеветѣ, не составляетъ новаго преступленія клеветы. Это понятно, ибо помѣстить отчетъ публичнаго засѣданія имѣетъ всякій право. Тѣмъ болѣе имѣетъ право обвиняемый въ клеветѣ поддерживать истинность своихъ обвиненій, а, слѣдовательно, и повторять ихъ, ибо какъ, не повторяя, доказывать истинность?

Можно еще говорить о новомъ оскорбленіи, ибо если повторено бранное слово, то оскорбленіе вновь и нанесено, такъ какъ повторить его не было надобности, а составъ преступленія заключается въ

произнесеніи, въ звукѣ. Составъ же клеветы заключается въ смыслѣ, въ содержаніи, и, доказывая истинность, даже иносказательно, все же повторяется содержаніе перваго извѣта. При признаніи такого повторенія при защитѣ новымъ преступленіемъ совершенно уничтожается возможность защиты по дѣлу о клеветѣ. Нельзя прятаться за тѣмъ, что въ первомъ случаѣ имѣется ст. 136 улож. о нак., а во второмъ 1535 улож., ибо всякое объясненіе подсудимаго у мирового судьи заносится въ протоколъ, и такимъ образомъ всякая *exceptio veritatis* явится нарушеніемъ 1535 ст.

Возражалъ помощн. прис. пов. М. И. Клоповъ, который указывалъ на то, что здѣсь является два различныхъ преступленія, что подъ видомъ защиты подсудимый можетъ вновь распространить всякаго рода извѣты, что въ первомъ случаѣ съездъ оправдалъ въ клеветѣ, такъ какъ не счелъ доказаннымъ, что инкриминируемое письмо было распространено.

Тов. прок. Шидловскій полагалъ оставить жалобу безъ послѣдствій.

Прав. Сенатъ, находя, что приговоромъ съезда Шиленко обвиненъ по 132 ст. устава, а приговоромъ палаты по 1535 ст. уложения, и что отказъ палаты въ предоставленіи Шиленко возможности доказать книгами истинность его сообщенія входитъ въ существо дѣла, опредѣлилъ кассационную жалобу защитника Шиленко оставить безъ послѣдствій.

Московская судебная палата.

(Отъ нашего корреспондента).

(Вооруженное сопротивленіе полиціи; отлучка поднадзорнаго изъ мѣста жительства по вызову суда).

На дняхъ подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Трухановича-Ходоновича, при участіи И. П. Зорина и Н. Г. Регекампа, слушалось дѣло о ссыльномъ А. А. Мезенцевѣ, обв. въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и въ покушеніи на убійство полицейскаго служителя.

Дѣло это вступило въ палату по апелляціонному протесту прокурора и отзыву подсудимаго на приговоръ Архангельскаго окружнаго суда¹⁾. Обвиняль тов. прокурора А. И. Руадзе, защищалъ помощн. присяж. повѣр. О. О. Грузенбергъ.

Какъ видно изъ доложеннаго въ засѣданіи приговора, Архангельскій окр. судъ нашелъ, что хотя показаніями допрошенныхъ на судъ слѣдствіи свидѣтелей Иванова, Бабкина, Ермоленко и другихъ и установлено, что 20 сентября 1903 года вечеромъ, когда въ квартирѣ подсудимаго Мезенцева явился приставъ 1 части города Архангельска Ивановъ въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ и пожарныхъ служителей и потребовалъ немедленнаго отправления Мезенцева въ управленіе части, то послѣдній не только не исполнилъ этого требованія, отзываясь своимъ болѣзненнымъ состояніемъ, но заявилъ, что онъ будетъ сопротивляться насильственному его арестованію, и когда, по приказанію пристава, на него бросились пожарный служитель Бабкинъ и другіе, то онъ, выхвативъ револьверъ, произвелъ во время свалки нѣсколько выстрѣловъ, которыми были причинены легкія раны и ссадины пожарному служителю Бабкину, но въ такихъ дѣяніяхъ подсудимаго Мезенцева нельзя усмотрѣть признаковъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 270 и 9 и 2 ч. 1459 ст. улож. о нак. Для состава перваго изъ этихъ преступленій необходимо, чтобы вооруженное сопротивленіе оказано было „и законнымъ дѣйствіямъ чиновника въ отправленіи его должности“; въ данномъ же случаѣ, какъ это выяснилось на судебномъ слѣдствіи, хотя приставъ 1 части гор. Архангельска Ивановъ, явившись въ

¹⁾ См. „Право“, № 4.

квартиру подсудимаго Мезенцева, и находился при отправленіи своей должности, но дѣйствія его въ отношеніи Мезенцева едва ли могутъ быть признаны законными, такъ какъ, не касаясь уже того, что Ивановъ, знавшій въ теченіе двухъ дней о пребываніи Мезенцева въ гор. Архангельскѣ, видѣвшійся съ нимъ и даже вмѣстѣ съ нимъ обѣдавшій и, слѣдовательно, всегда имѣвшій возможность арестовать его, если была въ томъ необходимость, не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній являться въ квартиру Мезенцева въ 10 часовъ вечера и, несмотря на его заявленіе о болѣзни, требовать немедленнаго отправленія его въ часть, но и сдѣлалъ это, какъ удостовѣрилъ о томъ свидѣтель околоточный надзиратель Погребнякъ, вопреки приказанія своего непосредственнаго начальства—полицеймейстера, который, узнавъ отъ Иванова, что Мезенцевъ нейдетъ въ часть добровольно и грозитъ сопротивляться, велѣлъ отложить арестъ до утра. Не представлялись дѣйствія пристава Иванова законными и съ точки зрѣнія подсудимаго Мезенцева, ибо, во-первыхъ, Мезенцевъ за собою никакого проступка, за совершеніе котораго онъ могъ бы подлежать немедленному арестованію, не зналъ, и, во-вторыхъ, та обстановка, при которой приставъ Ивановъ, явившійся въ его квартиру въ сопровожденіи толпы полицейскихъ служителей и пожарныхъ, производилъ арестъ его, не могла не вызвать у него сомнѣнія въ законности дѣйствій полиціи. Если же дѣйствія пристава Иванова при арестованіи Мезенцева не представлялись законными, то и оказанное послѣднимъ сопротивленіе, не заключающее въ себѣ состава вооруженнаго сопротивленія, предусмотрѣннаго 270 ст. улож. о нак., и потому въ совершеніи этого преступленія подсудимый Мезенцевъ долженъ быть признанъ оправданнымъ. Точно также подсудимый Мезенцевъ долженъ быть признанъ невиновнымъ и въ покушеніи на убійство пожарнаго служителя Бабкина съ цѣлью избѣжать ареста, ибо хотя на судебномъ слѣдствіи и удостовѣрено, что Мезенцевъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, которыми причинены были легкія раны Бабкину, но никакихъ указаній на то, чтобы Мезенцевъ, производя выстрѣлы, имѣлъ намѣреніе именно лишить жизни Бабкина, не обнаружено, а напротивъ, всѣ обстоятельства дѣла указываютъ на то, что выстрѣлы эти производились имъ безъ всякаго намѣренія лишить кого либо жизни, а лишь подъ влияніемъ раздраженія, съ цѣлью воспрепятствовать чинамъ полиціи насильственно арестовать его. Но если подсудимый Мезенцевъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ покушеніи на убійство пожарнаго служителя Бабкина, то въ то же время нельзя не признать его виновнымъ въ нанесеніи, въ состояніи раздраженія и запальчивости, означенному Бабкину, находившемуся при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей,—легкихъ ранъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 31 ст. уст. о нак., н. м. с. и 2 ч. 1483 ст. улож. о нак., причѣмъ объясненіе подсудимаго о томъ, что выстрѣлы изъ револьвера произведены имъ были во время борьбы нечаянно и потому раны Бабкину причинены случайно, не можетъ служить уваженія, ибо Мезенцевъ, выхвативъ изъ подъ подушки револьверъ и, производя выстрѣлы въ то время, какъ подбѣжалъ къ нему и навалился на него Бабкинъ, не могъ не сознавать, что можетъ этими выстрѣлами причинить Бабкину раны.

Признавая, такимъ образомъ, подсудимаго Мезенцева виновнымъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. 1483 ст. улож. о наказ., окр. судъ справедливымъ полагаетъ назначить ему нормальное указанное, въ этой статьѣ, наказаніе по 3 ст. 38 ст. улож. о нак. и приговорилъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію.

Въ принесенномъ протестѣ прокуроръ суда ука-

зываетъ, что приговоромъ, въ сущности, установленъ и вооруженное сопротивленіе, и покушеніе на убійство, но только соответствующіе факты не подведены подъ надлежащій карательный законъ, вслѣдствіе чего ходатайствуетъ о признаніи Мезенцева виновнымъ по выводамъ обвинительнаго акта.

Въ апелляціонномъ отзывѣ, принесенномъ пом. прис. пов. О. О. Грузенбергомъ, указывается на то, что, какъ установлено судебнымъ слѣдствіемъ, выстрѣлы были произведены не намѣренно, а во время свалки, когда Бабкинъ и другіе полицейскіе служители накинудились на Мезенцева и стали отнимать у него револьверъ, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что Мезенцевъ поранилъ самого себя. Въ виду этого признаніе Мезенцева виновнымъ по 2 ч. 1483 ст. улож., какъ въ дѣяніи умысленномъ, является неправильнымъ, а потому подсудимаго надлежитъ оправдать.

Въ предоставленномъ, по докладѣ, защитнику словъ О. О. Грузенбергъ указалъ, что, въ виду постановки прокурорскимъ протестомъ обвиненія во всемъ прежнемъ, крайне тяжеломъ для участи подсудимаго объемѣ, судебной палатѣ надлежитъ, раніе разрѣшенія дѣла по существу, предоставить подсудимому всѣ тѣ законныя средства къ защитѣ, которыми подсудимый не могъ воспользоваться на судѣ.

Во время приготовительныхъ къ суду распоряженій защита ходатайствовала о допросѣ Архангельскаго вице-губернатора Лилилевфельда-Голя, въ подтвержденіе того обстоятельства, что имъ было предложено Мезенцеву зайти за справкою по поводу ходатайства о разрѣшеніи остаться на жилиществѣ въ Архангельскѣ 21 сентября. Между тѣмъ ночью 20 сентября былъ произведенъ незаконный арестъ Мезенцева приставомъ Ивановымъ. Окружный судъ, въ нарушеніе ст. 575 уст. угол. суд., отказалъ.

Далѣе, когда на судѣ околот. надзиратель Погребнякъ удостовѣрилъ, что въ его присутствіи полицеймейстеръ Губскій приказалъ приставу Иванову, по телефону, отложить арестъ Мезенцева до утра, защита, въ лицѣ прис. повѣр. А. С. Заруднаго, заявила ходатайство о вызовѣ, въ качествѣ свидѣтеля, полицеймейстера. Окружный судъ, согласно съ заключеніемъ прокурора объ истеченіи срока для вызова свидѣтелей, въ ходатайствѣ этомъ отказалъ. Но заключеніе прокурора и основанное на немъ опредѣленіе суда неправильны. Сроки установленны для вызова свидѣтелей до открытія судебного засѣданія. Для вызова же свидѣтелей по вновь открывшимся обстоятельствамъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ сроковъ. Оттого эти обстоятельства и именуются новыми, что стоятъ внѣ предвидѣнія и не укладываются ни въ какіе сроки. Они нормируются, вопреки мнѣнія прокурора и суда, не 557, 575 и 577 ст., а исключительно ст. 634 и 734 уст. угол. суд.

И разъ установлено, что вновь открывшееся обстоятельство существенно для дѣла, провѣрка его обязательна. Такимъ образомъ, оказывается, что судъ неправильно отказалъ въ вызовѣ двухъ важныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ должны установить незаконность дѣйствій пристава Иванова и тѣмъ самымъ уничтожить въ корнѣ обвиненіе по ст. 270 улож.

Въ виду этого защитникъ ходатайствуетъ о вызовѣ свидѣтелями вице-губернатора и полицеймейстера и о слушаніи дѣла по мѣсту ихъ жительства въ Архангельскѣ. На предложенный г. предѣтелемъ вопросъ—не считаетъ ли защитникъ ходатайство свое запоздалымъ, въ виду незааявленія о немъ въ апелляціонномъ отзывѣ, О. О. Грузенбергъ отвѣтилъ, что апелляціонный отзывъ принесенъ на обвинительную, а не на оправдательную часть приговора; стало быть, въ немъ не приходится считаться

съ обвиненіемъ въ сопротивленіи властямъ. Протестъ повторять это обвиненіе—и противу него является нынѣ ходатайство о восполненіи судебного матеріала. Тов. прок. А. И. Руадзе, въ заключеніи своемъ, сказалъ что онъ не раздѣляетъ взгляда защитника на важность допроса вице-губернатора и полицеймейстера, но, признавая юридическую правильность этого ходатайства, полагаетъ таковое удовлетворить.

По возвращеніи изъ совѣщательной комнаты, судебная палата опредѣляетъ: въ удовлетвореніе заявленнаго ходатайства вызвать указанныхъ свидѣтелей и дѣло слушаніемъ назначить въ Архангельскѣ.

По провозглашеніи этой резолюціи подсуд. Мезенцевъ заявляетъ, что къ нему только что въ залъ судебного засѣданія обратились два агента Московской сыскной полиціи, командированныхъ для доставленія его къ начальнику полиціи за самовольный выѣздъ изъ Архангельской губ., вопреки запрещенія губернатора.

По этому поводу О. О. Грузенбергъ заявляетъ, что, знакомясь съ производствомъ палаты, онъ усмотрѣлъ въ немъ сообщеніе Архангельскаго губернатора, что, въ виду необязательности явки подсудимаго въ судеб. палату, онъ не разрѣшилъ ему выѣздъ изъ Архангельска. Здѣсь кроется серьезное недоразумѣніе. Явка подсудимаго въ апелляціонную инстанцію, конечно, необязательна, но лишать его этого права было бы незаконно. Защищаться противъ обвиненія, отстаивать на судѣ свою свободу и честь—священное право каждого подсудимаго, доколѣ еще дѣйствуютъ установленныя закономъ гарантіи. Мезенцевъ прибылъ въ Москву не самовольно, а по вызову палаты. Неужели за осуществленіе своихъ правъ на защиту ему придется подвергнуться принудительной высылкѣ въ Архангельскъ? Судебный приказъ долженъ обладать авторитетомъ, для всѣхъ равно обязательнымъ—и въ осуществленіе его защитникъ проситъ палату сдѣлать постановленіе о выдачѣ Мезенцеву удостовѣренія, что онъ явился сюда несамовольно, а въ осуществленіе своихъ законныхъ правъ.

Тов. прокурора А. И. Руадзе высказывается за удовлетвореніе заявленнаго ходатайства.

Судеб. палата опредѣляетъ выдать Мезенцеву просимое удостовѣреніе.

Кіевская судебная палата.

(Истязаніе урядниковъ при исполненіи служебныхъ обязанностей).

4-го марта разсматривалось въ Черниговѣ дѣло о полицейскомъ урядникѣ Зубенкѣ, десятскихъ Щербакѣ и Яковцѣ и кр. Рокутѣ и Бузункѣ, обвинявшихся въ истязаніи заподозрѣннаго въ кражѣ крестьянскаго мальчика Гавриила Печерскаго съ цѣлью вынудить у него сознаніе (по 12, 346 и 1489 ст. улож. о наказ.). Къ полицейскому уряднику Зубенкѣ во время пребыванія его на хуторѣ Новгородъ-сѣверскаго уѣзда, куда онъ былъ командированъ изъ Сосницкаго уѣзда для производства дознанія по дѣлу объ ограбленіи церкви, обратилась служившая на хуторѣ кухаркой Пчелина съ заявленіемъ о совершенной у нея кражѣ кошелька съ 6 р. 65 к. Зубенко сперва отказался отъ производства дознанія объ этой кражѣ, сославшись на то, что онъ не въ своемъ участкѣ, но затѣмъ, уступая просьбамъ потерпѣвшей, взялся за производство дознанія. Прежде всего, онъ предложилъ заподозрѣнному въ кражѣ крестьянскому мальчику Гавриилу Печерскому (14 лѣтъ) выпить большую рюмку водки. Когда мальчикъ выпить водку было отказался, Зубенко ударилъ его два раза по головѣ, бросилъ на полъ и топталъ ногами. Послѣ этого мальчикъ водку выпилъ и Зубенко присту-

пилъ къ допросу. Печерскій тогда сознался въ кражѣ и сказалъ, что деньги спрятали въ лѣсу въ дровахъ. Пошли въ лѣсъ, но въ указанномъ мѣстѣ денегъ не оказалось и Печерскій началъ отрицать совершеніе имъ кражи. Еще разъ заставилъ его Зубенко выпить стаканъ водки, послѣ чего Печерскій совершенно охмянѣлъ, едва стоялъ на ногахъ, нѣсколько разъ его рвало. Зубенко передалъ мальчика десятскимъ Щербаку и Яковцу и крестьянамъ Рокутѣ и Бузунку, поручивъ имъ дальнѣйшее „дознаніе“. При этомъ Зубенко сказалъ десятскимъ: „хотя шкуру его привезите мнѣ, а мясо бросьте въ лѣсъ—лишь-бы деньги отыскали“ и приказалъ не давать Печерскому спать. Послѣ этого мальчика всю ночь съкли распаренными прутьями, держали обнаженной спиной надъ костромъ, неоднократно вѣшали за ноги, всю ночь не давали спать. Совершенно измученнаго привели его утромъ во дворъ съ опухшимъ лицомъ отъ побоевъ въ состояніи полной невмѣняемости. Зубенко-же, узнавъ, что деньги не отысканы, приказалъ продолжать не давать ему спать. Однажды мальчикъ вырвался отъ мучителей и забрался подъ амбаръ, но его вытащили оттуда, завязавъ за ногу веревкой. Лишь къ полудню ему удалось убѣжать и скрыться. Мальчикъ былъ до того перепуганъ, что къ отцу явился только на другой день. Медицинскимъ освидѣтельствованіемъ слѣды истязаній констатированы, при чемъ, между прочимъ, у Печерскаго въ одномъ ухѣ отъ побоевъ оказалась лопнувшая барабанная перепонка. Свидѣтели на судебномъ слѣдствіи вполне подтвердили картину истязанія, принявшую въ ихъ изложеніи, по выраженію г. обвинителя „кошмарный видъ“.

Г. предсѣдатель спросилъ одного изъ свидѣтелей: „какъ же вы позволили дѣлать такое звѣрство?“—свидѣтель отвѣчалъ: „я кизавъ—по въ робите, такъ вони надѣли знаки и сказали:—по приказу господина урядника“. „Но, вѣдь вы, сильный, здоровый человекъ, вы были не одинъ?“ продолжалъ предсѣдатель. Свидѣтель объясняетъ, что мучители въ его глазахъ были—„начальство“. Зубенко ни въ чемъ себя виновнымъ не признавалъ, сознавался лишь въ томъ, что предложилъ Печерскому водки, которую послѣдній выпилъ вполне „добровольно“. Остальные обвиняемые совершенно отрицали фактъ причиненія ими Печерскому истязаній.

„Что же барабанная перепонка у Печерскаго сама лопнула?“ спрашивалъ г. предсѣдатель.—„Не можемъ знать“, получался отвѣтъ. Вызванные по просьбѣ Зубенка становой приставъ Немировичъ-Данченко и исправникъ Гузарскій аттестовали Зубенку, какъ исполнительнаго служака и выдающагося сыщика, раскрывшаго много важныхъ преступленій въ губерніи (напр., дѣло о поджогахъ въ имѣніи гг. Половцовыхъ, въ Остерскомъ уѣздѣ). Обвинитель и охарактеризовалъ все дѣло, какъ результатъ зарвавшагося „опытнаго сыщика“, раскрывшаго много важныхъ преступленій и спасававшего въ раскрытіи ничтожной кражи, чѣмъ было задѣто его „сыщичье“ самолюбіе. Палата, признавъ всѣхъ подсудимыхъ виновными, приговорила ихъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія—Зубенка на 1 г. и 6 мѣс., а всѣхъ прочихъ на одинъ годъ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

(Оскорбленіе должностнаго лица).

(Отъ нашего корреспондента).

10 марта въ выѣздной сессіи Спб. окружного суда, по 2 отдѣленію, слушалось въ г. Царскомъ Селѣ дѣло по обвиненію мѣщанина Михаила Кана въ

помѣщеніи въ жалобахъ, поданныхъ министрамъ Императорскаго Двора, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, начальнику Царскосельскаго дворцоваго управления и др. выражений, оскорбительныхъ для начальника Царскосельскаго дворцоваго управления, пристава г. Парскаго Села Лазарева, околот. надзирателя Абрамовича и вообще Царскосельской городской полиціи.

Въ концѣ 1901 года Канъ, фотографъ по профессіи, много лѣтъ работавшій въ Царскосельскихъ фотографіяхъ, подалъ прошеніе начальнику Царскосельскаго дворцоваго управления о разрѣшеніи ему открыть въ Царскомъ Селѣ фотографію.

Черезъ мѣсяцъ ему было въ разрѣшеніи открыть фотографію отказано, причѣмъ Канъ узнаеть, что причиной отказа явилось то, что въ секретной справкѣ, которую Царскосельская полиція сообщила дворцовому управленію, онъ былъ выставленъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Полиція характеризовала его, какъ человѣка склоннаго къ злоупотребленію спиртными напитками, рѣзкаго въ обращеніи, лишеннаго деликатности, указывала, что публика часто жаловалась въ полицію на грубость Кана и т. п., при совокупивъ, что разрѣшить такому человѣку открыть фотографію значитъ ожидать въ будущемъ всякихъ безпокойствъ.

Канъ принесъ жалобу сначала министру Императорскаго Двора, а потомъ подалъ еще 9 жалобъ другимъ должностнымъ лицамъ. Въ этихъ жалобахъ Канъ обвинялъ пристава Лазарева и околот. нада. Абрамовича въ составленіи этой справки, именую ее ложной, полной наглою лжи и т. п., и заявляя, что указанное преступленіе не является со стороны Лазарева единичнымъ, а совершено имъ по привычкѣ, такъ какъ этотъ приставъ вообще совершаетъ преступленія по должности, лихоимная и даже укрывая уголовные проступки. Въ виду этого онъ просилъ привлечь этихъ лицъ къ законной отвѣтственности. Что же касается начальника Царскосельскаго дворцоваго управления, то, отмѣчая незнание законовъ, Канъ писалъ „не хорошо, когда начальникъ города считаетъ неподсудительнымъ, чтобы подъ его вѣдѣніемъ служили лица, занимающіяся лихоимствомъ и выдачею ложныхъ документовъ“.

Результатомъ всѣхъ этихъ жалобъ было то, что министерство Императорскаго Двора привлекло Кана къ отвѣтственности по обвиненію въ оскорбленіи указанныхъ выше должностныхъ лицъ.

На судъ Канъ виновнымъ себя не призналъ.

По просьбѣ защиты было оглашено выданное Кану черезъ нѣсколько дней послѣ отправки секретной справки свидѣтельство, гдѣ та же Царскосельская полиція удостовѣряла, что Канъ за время проживанія въ Царскомъ Селѣ ни въ чемъ предсудительномъ замѣченъ не былъ.

Далѣе, было оглашено отношеніе департамента полиціи въ Царскосельское дворцовое управленіе съ просьбою произвести разслѣдованіе о незаконныхъ дѣйствіяхъ пристава Лазарева. На отношеніи оказалась надпись: „допросилъ пристава Лазарева“.

Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе по выводамъ обвинительнаго акта, доказывая, что тутъ имѣлъ мѣсто не лжедоносъ, а оскорбленіе должностныхъ лицъ. Защитникъ, пом. прис. пов. Гольмъ, указывалъ, что изъ 10 пунктовъ обвинительнаго акта лишь одно слово можетъ быть признано за оскорбленіе, именно наименованіе справки, выданной Царскосельской полиціей, полной наглою лжи. Это слово „наглая“ и есть оскорбленіе, все же остальное есть прямое обвиненіе должностныхъ лицъ въ преступленіяхъ и должно, слѣдовательно, преслѣдоваться какъ лжедоносъ, съ правомъ подсудимаго доказывать вѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Если признавать за оскорбленіе всякое обвиненіе въ совершеніи преступленія, то создается странное положеніе. Ограбленный человѣкъ не будетъ смѣть

назвать то, что съ нимъ сдѣлали, грабежомъ, а будетъ поставленъ въ необходимость прискивать какія либо околныя, деликатныя выраженія для столь нѣжнаго предмета.

Далѣе, защитникъ объяснилъ, что Канъ, не получивъ разрѣшенія на открытіе фотографіи, остался съ 4 малолѣтними дѣтьми безъ куска хлѣба, такъ какъ прежній хозяинъ лишилъ его мѣста, узнавъ, что онъ хочетъ открыть свою фотографію. Кромѣ того, отказъ въ разрѣшеніи позорилъ Кана, заставляя предполагать въ его прошломъ что либо дурное, наконецъ, вслѣдствіе отказа въ Канѣ возмущалась и душа гражданина, такъ какъ, считая справку ложной, онъ долженъ былъ видѣть въ ней крупное общественное зло. Если человѣкъ подъ жгучимъ чувствомъ горя, обиды и негодованія не могъ совладать съ собою, забылся и сказалъ то лишнее слово „наглая“ ложь, то къ такому человѣку строго отнестись нельзя. Сожалѣя, что судъ коронный связанъ ст. 92 улож. о как. и что поэтому нельзя просить въ данномъ случаѣ о полномъ оправданіи, защитникъ ходатайствовалъ о возможно минимальномъ размѣрѣ наказанія.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія судъ, признавъ Кана виновнымъ, приговорилъ его къ 25 р. штрафа съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, пятью днями ареста.

Хроника.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи кассационныхъ и съ участіемъ перваго департаментовъ (15 марта) Прав. Сенатъ разъяснилъ:

1) что сельскіе коммунальные совѣты и земскіе комитеты въ Измайльскомъ уѣздѣ не уполномочены на установленіе штрафовъ за распашку земель, назначенныхъ подъ толоку;

2) что а) на остающееся послѣ умершихъ ссыльныхъ имущество не распространяются правила законовъ гражданскихъ объ имуществѣ выморочномъ; б) что при открытіи наслѣдства къ имуществу ссыльныхъ и отсутствія по розысканіи мѣстнымъ начальствомъ наслѣдниковъ, указанныхъ въ ст. 428 — 430 уст. ссыльн., учрежденіе, вѣдающее экономическимъ капиталомъ ссыльныхъ, вступаетъ во владѣніе оставшимся имуществомъ, а въ случаѣ явки таковыхъ наслѣдниковъ до истеченія срока, указанного въ 1246 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд. выдаетъ имъ причитающуюся на ихъ долю сумму денегъ изъ означеннаго капитала и в) что указанный въ пунктѣ 1 порядокъ примѣняется и къ имуществу ссыльныхъ, находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи, причѣмъ срокъ, опредѣленный въ означенной 1246 ст., исчисленъ по правиламъ, указаннымъ въ 392 ст. уст. о се. по пр. 1902 г.;

3) (съ участіемъ и 2 департамента) что волостные суды вправѣ принимать къ своему производству иски о гражданскомъ безчестіи, предъявляемые на основаніи ст. 667 т. X ч. 1 св. зак. гражд. на сумму до 50 р.;

4) (съ участіемъ и 2 - го департамента): а) что ходатайство о пересмотрѣ по вновь открывшимся обстоятельствамъ вошедшихъ въ законную силу рѣшеній вол. суд., образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., по дѣламъ гражданскимъ и уголов-

нымъ, разрѣшаются уѣздными сѣздами въ судебномъ ихъ присутствіи, б) что означенныя ходатайства, съ соблюденіемъ по дѣламъ гражданскимъ сроковъ, указанныхъ въ 132 ст. прав. проиств. дѣль, подвѣд. зем. нач. и гор. суд., предьявляются вол. суду, рѣшившему дѣло, и в) что рѣшенія вол. судовъ о признаніи сихъ ходатайствъ уважительными, а равно жалобы на отказъ въ разрѣшеніи испрашиваемаго пересмотра представляются земскому начальнику, который относительно представленія этихъ дѣлъ въ уѣздный сѣздъ руководствуется 141 ст. общ. пол. о крест. изд. 1902 г.;

5) что свидѣтели вправѣ приносить частныя жалобы уѣздному сѣзду на **опредѣленія земск. начальниковъ** о наложеніи на нихъ взысканій за неявку по гражданскимъ дѣламъ.

Прав. Сенатъ разъяснилъ, что назначеніе земскими учрежденіями **разъѣздныхъ денегъ должностнымъ лицамъ** имѣетъ характеръ добровольной сдѣлки, и если опредѣленный земствомъ размѣръ разъѣздныхъ денегъ представляется, по мнѣнію должностныхъ лицъ, недостаточнымъ, то отъ нихъ самихъ зависить отказаться отъ ихъ полученія и обратиться къ установленному закономъ способу поставки подводу въ натурѣ. (12—II 1904 № 1172).

Министръ внутреннихъ дѣлъ 14 марта 1904 г. опредѣлилъ: вновь **разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Внисей“**, приостановленной распоряженіемъ отъ 14 февраля с. г.

Съ 10 по 23 февраля производилась генералъ-лейтенантомъ П. П. Томичемъ **ревизія славяно-сербскаго земства**, Екатериносл. губ.

Генераломъ Томичемъ осмотрѣны были всѣ больницы уѣзда и около 10 земскихъ, одна министерская и двѣ церк. прих. школы. Два приглашенныхъ бухгалтера ревизовали бухгалтерію и отчетность управы и склада землед. орудій. Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ ревизовалъ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ земскую бібліотеку, книжный складъ и нѣкоторыя читальни-бібліотеки. Генералъ Томичъ для всесторонняго освѣщенія земскаго дѣла имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ нѣкоторыми мѣстными землевладѣльцами; начальниками были представлены генералу докладныя записки. Для сравненія постановки земскаго дѣла генералъ Томичъ выѣхалъ въ Вахмутскій уѣздъ, откуда черезъ Екатеринославъ направляется въ Одессу. (К. В.),

На послѣднемъ Нижегородскомъ губ. земскомъ собраніи было возбуждено ходатайство о томъ, чтобы для участія въ **совѣщаніяхъ** при центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ не вызывались, какъ теперь, опредѣленные лица, въ качествѣ представителей земства, а уполномоченные на то земскими собраніями, и, далѣе, чтобы въ такихъ совѣщаніяхъ участвовали уполномоченные всѣхъ земствъ. Самые же вопросы, подлежащіе ихъ сужденію на совѣщаніи, предварительно обсуждались бы въ земскихъ собраніяхъ. Постановленіе это мѣстнымъ губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ признано выходя-

щимъ изъ круга вѣдомства, предоставленнаго закономъ земству, почему, какъ несогласное съ этимъ послѣднимъ, подлежитъ отмѣнѣ.

Въ засѣданіи черниг. ученой арх. ком. отъ 6 го марта доложено, что губернаторъ, по соглашеніи съ директоромъ археол. института, **не призналъ возможнымъ утвердить** въ званіи членовъ арх. комиссіи 8 лицъ, разновременно избранныхъ. Доложено также заключеніе директора археол. института относительно толкованія губернаторомъ компетенціи и устава ар. комиссіи, въ общемъ согласное съ предложеніями губернатора. Постановлено обжаловать предложенія губернатора комиссіи и заключеніе директора археол. института въ сенатъ. Товарищъ председателя г. Шрагъ (исполняющій за отсутствіемъ постоянно живущаго въ Петербургѣ председателя гр. Милорадовича должность председателя) отказался отъ должности и отъ званія члена арх. комиссіи. Отъ званія члена комиссіи отказался засимъ цѣлый рядъ лицъ. (Р. Р.).

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить начальникамъ арестныхъ помѣщеній при полицейскихъ учрежденіяхъ подвергать содержащихся подъ стражею на основаніи 416-й ст. уст. угол. судопроизводства по **дѣламъ политическаго характера** за нарушеніе порядка въ сихъ помѣщеніяхъ по личному усмотрѣнію — выговору и по соглашенію съ прокурорскимъ надзоромъ — аресту на срокъ не свыше одной недѣли въ свѣтломъ или темномъ карцерѣ съ примѣненіемъ къ буйствующимъ въ карцерѣ надѣванія смирительной рубашки.

Въ Ригѣ, 5-го марта, по инициативѣ рижскаго латышскаго общества, состоялось засѣданіе председателей рижскихъ латышскихъ обществъ съ цѣлью обсуждения мѣръ **борьбы противъ вредныхъ агитацій** въ мѣстномъ краѣ.

На собраніи, между прочимъ, было постановлено издать на латышскомъ языкѣ особую брошюру, въ которой будутъ выяснены ложность и вредъ ученія подпольныхъ политическихъ агитаторовъ и проведены правильные взгляды на общественную жизнь. Брошюру предполагается отпечатать приблизительно въ 1,000 экземплярахъ и бесплатно распространить среди латышскаго населенія, главнымъ образомъ рабочаго. Составленіе брошюры поручено особой комиссіи, въ которую избраны редакторъ Balls'a—В. Олавъ (Плутте), инспекторъ нар. училищъ рижск. гор. района Фр. Трейландъ и редакторъ-издатель Rigas Awise прис. пов. Фр. Вейнбергъ. Брошюру предполагается издать не позже 1-го апрѣля с. г. (Шриб. Кр.).

1-го марта, въ горійской сессіи тифл. окружнаго суда, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло о крестьянахъ сел. Дирби, горійск. уѣзда, Ерадзе и Бержанишвили. Подсудимые обвинялись въ томъ, что они съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ, вмѣстѣ съ лицами, слѣдствіемъ не обнаруженными, приняли участие

въ **беспорядкахъ** въ сел. Дирби и оказали полициѣ сопротивление. Окружный судъ призналъ обоихъ подсудимыхъ виновными въ нарушении общественной тишины и приговорилъ ихъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць.

(Нов. Об.).

По словамъ „Сиб. ж.“, введеніе административно-судебной реформы среди бурятовъ вызвало **волненія**, подъ влияніемъ которыхъ въ реформу были внесены примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ нѣкоторыя существенныя и необходимыя поправки.

Въ Двинскѣ постановленіемъ г. витебскаго губернатора, задержанные полиціей 17 февраля с. г. на **сходкѣ** съ нелегальной цѣлью, въ хедерѣ меламеда Видана рабочіе - евреи подвергнуты наказаніямъ за нарушенія изданныхъ г. губернаторомъ 7 окт. 1903 г. обязательн. постановленій. А именно: хозяева квартиры—Виданъ и его жена—за допущеніе въ своей квартирѣ означенной сходки аресту при полициѣ на 2¹/₂ мѣс., дворникъ дома кр. Черныявскій за то, что не далъ знать полициѣ о сходкѣ—на одинъ мѣсяць, и за участіе въ сходкѣ—5 человекъ на 2¹/₂ мѣсяца, 35 на одинъ мѣсяць и 17 на 15 дней. Всего подвергнуты аресту 21 мужч. и 38 женщ. (С.-З. Кр.)

Г. главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ проживающему въ сел. Земо-Чала Горійскаго уѣзда князю Димитрію Левановичу Абашидзе, какъ лицу, **вредному для общественнаго порядка и спокойствія**, воспретить жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края.

(Кавк.).

Главноначальствующій гражд. частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ **воспретить жительство** въ предѣлахъ Кавказскаго края: крестьянину м. Хони, Кутаисской губ., Владиміру Сападзе—навсегда и жителю сел. Балаханы Гаджи-Бедыр-Ага-Голь-оглы — на 3 года. (Т. В.).

На дняхъ въ дер. Повсинѣ, въ 4 верстахъ отъ Виланова, около 4 ч. дня, когда по шоссе проходилъ поѣздъ виляновской ж. д., въ одномъ изъ придорожныхъ домиковъ начался пожаръ, какъ оказалось, отъ неудовлетворительнаго состоянія дымовой трубы. Въ одно мгновеніе избушка была охвачена пламенемъ, и кругомъ нея собралась толпа крестьянъ, беспомощно смотрѣвшихъ на пожаръ. По случаю сильнаго вѣтра огонь перекинулся на сосѣдній домикъ, а затѣмъ на хлѣбный сарай и хлѣвъ. Въ толпѣ крестьянъ пошли разговоры, что пожаръ начался отъ искры паровоза. Подъ влияніемъ подстрекательства нѣкоторыхъ крестьянъ **толпа** двинулась къ полотну и попортила его на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, развинтивъ рельсы и снявъ ихъ со шпаль. Затѣмъ крестьяне изрубилы шпалы и бросили ихъ внутрь горѣвшихъ домовъ. Въ этомъ принимали участіе не только мужчины, но даже женщины и дѣти. Поѣзда виляновской жел. дор. № 7 и 9 должны были остановиться передъ Повсиномъ, такъ какъ толпа въ

числѣ 500 чел. не позволила прибывшимъ желѣзнодорожнымъ мастерамъ приступить къ исправленію пути. Только когда войтъ отправилъ донесеніе къ начальнику уѣзда, толпа стала расходиться, а небольшая кучка согласилась помогать при работахъ по исправленію полотна. Около 9 час. вечера движеніе было возстановлено.

(У. Г.).

Въ томскихъ газетахъ напечатанъ приказъ г. Томскаго губернатора: Государь Императоръ, по всеподл. докладу министра вн. дѣлъ, въ 13 день февраля с. г., Высочайше соизволилъ напредоставленіе мнѣ, на время **военныхъ дѣйствій** на Дальнемъ Востоцкѣ: 1) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушеній обществ. порядка и госуд. безопасности и устанавливать, за нарушеніе сихъ постановленій, взысканія, не превышающія 3 мѣс. ареста или штрафъ въ 500 р.; 2) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніи изданныхъ мною обязательныхъ постановленій; 3) воспретить отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или же въ предѣлахъ всей подвѣдомственной мнѣ территории съ тѣмъ, чтобы о каждой такой мѣрѣ сообщалось министру вн. дѣлъ, съ объясненіемъ причинъ, побудившихъ къ принятію оной, и 4) представлять г. министру вн. дѣлъ о необходимости передачи на разсмотрѣніе военн. суда дѣлъ о возстаніи и вооруженн. сопротивленіи властямъ, въ случаѣ возникновенія таковыхъ въ предѣлахъ вѣренной мнѣ губерніи, для сужденія обвиняемыхъ по законамъ военного времени, съ тѣмъ, чтобы лицамъ симъ, коль скоро означенныя преступленія сопровождалась убійствомъ или покушеніемъ на таковое, нанесеніемъ увѣчій, ранъ и тяжкихъ побоевъ или поджоговъ, опредѣлялось наказаніе, предусмотрѣнное ст. 276 воинскаго устава о наказаніяхъ. (Спб. В.).

„Костр. Лист.“ передаетъ, что протестъ оцѣночнаго отдѣленія, по поводу произвольнаго распоряженія мѣстной гор. управы о вычѣтѣ извѣстнаго процента изъ жалованья служащихъ **на нужды военного времени**, закончился отмѣной распоряженія управы. Всѣ служащіе получили право жертвовать, куда и сколько имъ угодно.

На имя старшаго предсѣдателя Кіевской судебной палаты д. с. с. О. О. Арнольда прислана телеграмма отъ предсѣдателя русской группы международнаго союза криминалистовъ о томъ, что предполагавшійся въ апрѣлѣ въ Кіевѣ **съѣздъ русской группы** международнаго союза криминалистовъ отложенъ на неопредѣленное время.

(К. В.).

10 марта въ Харьковск. окр. судѣ было разсмотрѣно дѣло о кр. Ткаченко, обвинявшемся въ покушеніи на убійство жены, тещи и посторонняго лица. **Присяжные засѣдатели** признали Ткаченко виновнымъ въ покушеніи на убійство одной жены и, кромѣ того, нашли его заслуживающимъ снисхожденія, велѣдствіе

чего онъ и былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ исправ. арест. отдѣленія на 5 лѣтъ.

12 марта участвовавшіе въ разрѣшеніи этого дѣла прис. засѣдатели, находя опредѣленное судомъ наказаніе Ткаченка слишкомъ тяжкимъ, заявили ходатайство о пониженіи наказанія осужденному. Это заявленіе присяжныхъ занесено въ протоколъ засѣданія, и дѣло Ткаченка будетъ представлено судомъ на Высочайшее усмотрѣніе по вопросу о смягченіи участи осужденнаго.

(Ю. Кр.).

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Засѣданіе уголовного отдѣленія общества 14 февраля было посвящено чтенію и обсужденію доклада В. П. Ширкова о преступленіяхъ толпы по новому уголовному уложенію. По открытіи засѣданія отдѣленія его предсѣдателемъ И. Г. Щегловитовымъ члены общества приступили къ избранію редакціоннаго комитета на 1904 г., при чемъ оказались избранными—предсѣдателемъ И. Г. Щегловитовъ, его товарищемъ—В. Д. Набоковъ и членами комитета—М. М. Воровитиновъ, Г. Г. Евангуловъ и В. М. Ширковъ. По предложенію И. Г. Щегловитова членомъ-сотрудникомъ отдѣленія избранъ пом. прис. пов. О. Б. Гольдовскій.

По мнѣнію В. П. Ширкова, изученію преступленій толпы должно предшествовать изученіе того своеобразнаго социальнаго явленія, которое называется толпою. Представляя собою собраніе разнородныхъ, разнообразныхъ и подчасъ случайно сошедшихся людей, толпа есть нѣчто единое по чувству и волѣ. Въ основу этого единства ложится взаимовнушеніе, существующее между лицами, принадлежащими къ толпѣ, и это взаимовнушеніе, взаимовозбужденіе является мощнымъ факторомъ, подвигающимъ толпу какъ единое цѣлое какъ на геройскіе, такъ и на звѣрскіе поступки. То психическое состояніе, которое свойственно участнику толпы, несомнѣнно ослаблено въ сравненіи съ нормальнымъ; у него подавлена критическая сила ума, многое выполняется чисто автоматически, сознание понижено. Въ этомъ психическомъ состояніи нужно искать объясненія, почему ни увѣщанія, ни репрессіи не вліяютъ на толпу. Однако, по общему правилу, психика участника не настолько понижена, чтобы онъ не былъ въ состояніи нести за свои поступки отвѣтственность передъ закономъ, и лишь только въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно точно установить, что онъ находился въ состояніи патологическаго аффекта, онъ освобождается отъ уголовной отвѣтственности, также какъ освобождается отъ нея самый обыкновенный преступникъ, учинившій индивидуальное преступленіе въ точно такомъ же состояніи. По правилу вопросъ о вмѣняемости участниковъ толпы т. о. разрѣшается сообразно общимъ началамъ даннаго законодательства объ условіяхъ вмѣненія. Отвѣтственность участника толпы можетъ быть двояка: или за самое участіе въ толпѣ или за совершеніе въ толпѣ преступнаго дѣянія. Несомнѣнно, условія, при которыхъ субъектъ совершаетъ преступленія въ толпѣ, должны повлечь пониженіе наказанія, но на практикѣ въ виду опасности, которую представляетъ толпа, совершеніе преступленій въ толпѣ влечетъ усиленную репрессію. Иногда самое участіе въ толпѣ представляетъ собою преступленіе и участнику толпы вмѣняется содѣянное ею. Основаніемъ этого является тѣсная связь, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, которая существуетъ между участниками

толпы и совершившимся преступленіемъ. Всякій, сознательно и добровольно присоединившійся къ толпѣ, увеличиваетъ ея силы; въ присутствіи въ толпѣ многихъ, сочувствующихъ и объединенныхъ общимъ чувствомъ и стремленіемъ, болѣе активныя черпаютъ силу. Участіе въ такой объединенной толпѣ представляетъ собою своеобразное уголовно-наказуемое явленіе, рѣзко отличное отъ явленія учиненія одного преступленія многими лицами по началамъ соучастія. Рѣзкое различіе учиненія преступленія толпою и учиненіе его по началамъ соучастія вліяетъ на порядокъ отвѣтственности соучастниковъ въ преступленіи и участниковъ преступной толпы. Въ то время какъ при соучастіи торжествуетъ за немногими ограниченіями принципъ равной для всѣхъ отвѣтственности, размѣръ отвѣтственности участниковъ толпы не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ. Вліяніе, которое оказываетъ на толпу отдѣльное лицо, должно опредѣлять размѣръ этой отвѣтственности. Наиболѣе опасными являются вожаки и подстрекатели, законъ поэтому обыкновенно ихъ выделяетъ, подводя всѣхъ остальныхъ подъ одну категорію. Последнее обстоятельство крайне несправедливо и потому надлежало бы выделять сверхъ вожаковъ и подстрекателей лицъ, непосредственно учинившихъ въ толпѣ преступленіе. Отмѣчая, однако, что не всегда эти непосредственно учинившія преступленіе лица будутъ особо преступными по сравненію съ прочими участниками толпы, докладчикъ полагаетъ, что нѣкоторымъ коррективомъ къ правилу объ одинаковой отвѣтственности всѣхъ прочихъ участниковъ толпы должно служить предоставленіе суду сравнительно широкихъ рамокъ при опредѣленіи наказаній, ибо тѣмъ самымъ ему будетъ дана возможность учитывать роль каждаго. Уголовному уложенію извѣстны два термина—скопище (120—123 ст.) и толпа (75, 136 и 202 ст.). Скопище въ его пониманіи представляетъ собою группу лицъ, объединенныхъ общою цѣлью, общимъ чувствомъ, общою мыслью. Скопище дѣйствуетъ „соединенными силами“, при чемъ не требуется активнаго участія каждаго участника толпы въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, учиненныхъ толпою, и для отвѣтственности за учиненное скопищемъ достаточно установить сознательное участіе въ скопищѣ учинившимъ насиліе. Обыкновенно требуется, чтобы скопище было публичнымъ, т. е. чтобы каждый могъ къ нему пристать. Наше новое уложеніе требуетъ этого признака, допуская исключеніе въ 123 ст. улож. (противодѣйствіе вооруженной силѣ, нападеніе на караулъ и т. п.). Опасность, которую представляло скопище, выражается или въ его цѣли, или дѣйствіяхъ его, или его побужденіяхъ. Скопище, преступное по цѣли, уложеніе предусматриваетъ въ ст. 121 и караетъ всякаго добровольно присоединившагося къ такому скопищу, независимо отъ того, выполнило ли оно эту цѣль или нѣтъ. Опасными по побужденіямъ являются скопища, учинившія насильственные дѣянія изъ вражды религіозной, племенной или сословной, или вслѣдствіе побужденій, вытекающихъ изъ экономическихъ отношеній. Они предусматриваются 1 ч. ст. 122 ул. о нак., при чемъ отвѣтственность несетъ всякій, сознательно примкнувшій къ этому скопищу, независимо отъ того, какими побужденіями онъ лично руководствовался. Затѣмъ закону извѣстны скопища, учинившія опасныя дѣйствія, начинающія отъ простаго неповиновенія полицейской власти, кончая нападеніемъ на караулъ, захватомъ пороховыхъ складовъ, освобожденіемъ арестантовъ и т. д. (ст. 123). Оставившаяся на скопищахъ, опасныхъ по тѣмъ побужденіямъ, во имя которыхъ скопище учинило насильственные дѣйствія, В. П. Ширковъ устанавливаетъ связь между 122 ст. 1 ч. новаго улож. и 269¹ улож. о нак. Изданіе послѣдней имѣло мѣсто въ 1891 г. и была она плодомъ работы редакціонной комиссіи, составившей уголов. улож. По-

правилу установлено, что для наказания по этой статье нужно лишь констатировать, что скопище собралось в силу этих побуждений и во имя них толпа совершила насильственное действие, так что в отношении отдельных лиц не требуется устанавливать, во имя каких побуждений оно присоединилось к этому скопищу. На практик в виду осложнившихся в последнее время экономических отношений между отдельными классами и группами населения возник вопрос, слѣдует ли под экономическими побужденіями, наличие которых требует 269¹ ст., разумѣть враждебныя отношения общаго характера, т. е. общее недовольство одного класса другимъ на экономической почвѣ, или слѣдуетъ примѣнять эту статью шире. Сенатъ высказалъ въ рѣшеніи по д. Слагода правильную точку зрѣнія, что нужно именно допускать примѣненіе 269¹ ст. при безпорядкахъ, возникшихъ на общей почвѣ, но не провѣлъ этой точки до конца даже въ этомъ рѣшеніи. Новшествомъ является ст. 121, преслѣдующая участіе въ скопищѣ, собравшемся съ цѣлью выразить неуваженіе къ верховной власти, сочувствіе бунту и т. д. До сихъ поръ наше право этого дѣянія какъ уголовно наказуемаго не знало, но практика, начиная съ рѣшенія по д. Боголюбова, уорно и неправильно подводила подъ 1 ч. 122 ст. улож. о нак. Участвующія въ скопищѣ, вызванномъ какими либо указанными въ 122 ст. 1 ч. побужденіями, отдельные лица могутъ самостоятельно учинить какое либо преступленіе и, если оно будетъ учинено ввѣ какой бы то ни было связи съ общимъ настроеніемъ толпы, то эти лица и понесутъ за это самостоятельное наказаніе. То же самое имѣетъ мѣсто при совершеніи преступленія скопищемъ, предусмотрѣннымъ ст. 123, а равно и тогда, когда совершено участниками скопища преступное дѣяніе, подлежащее болѣе тяжкому сравнительно со ст. ст. 122 и 123 наказанію. Употребленный уложеніемъ въ ст. 75, 136 и 262 терминъ „толпа“ легко отличить отъ понятія отъ „скопища“, если только учинить себѣ легальное опредѣленіе понятія „скопище“. Кардинальная разица между тѣмъ и другимъ сказывается въ порядкѣ отвѣтственности, ибо при учиненіи преступленія толпою дѣятели отвѣчаютъ лишь за содѣянное имъ, такъ что участіе въ толпѣ, учинившей буйство, можетъ для дѣятеля служить лишь обстоятельствомъ, вліяющимъ на мѣру наказанія его, но никакъ не обусловливающимъ его отвѣтственности, какъ это имѣетъ мѣсто при скопищѣ. Въ заключеніе референтъ указалъ на коренную ошибку, допущенную 4 ч. 262 ст. улож., карающею всѣхъ участниковъ толпы, учинившей буйство, если послѣднее окончилось смертью кого-либо или тяжкимъ поврежденіемъ здоровья. Такая поголовная отвѣтственность не имѣетъ никакого соотношенія ни со степенью субъективной виновности лицъ, подлежащихъ наказанію, ни съ объективнымъ значеніемъ поступка.

М. Н. Нижегородцевъ указываетъ, что въ толпѣ играетъ крупную роль такъ наз. психическій автоматизмъ, т. е. совершеніе лицомъ, находящимся въ полномъ сознаніи, автоматическихъ дѣйствій чисто подражательнаго характера: Явленіе это подлежало изученію въ Сибири, гдѣ оно извѣстно подъ названіемъ „мереченіе“, и въ Канадѣ, при чемъ иногда оно носитъ повальный характеръ. Психология толпы своеобразна, обыкновенно толпа дѣйствуетъ единодушно и дѣйствія отдельныхъ лицъ находятся какъ бы въ органической связи съ общимъ настроеніемъ толпы, при чемъ иногда колоссально важное значеніе приобретаютъ обстоятельства чисто случайнаго характера.

В. Д. Набоковъ указываетъ, что психология толпы привлекала не разъ вниманіе великихъ мыслителей и художниковъ, какъ Шекспиръ, Толстой, Достоевскій и Зола, дававшихъ художественныя описанія народныхъ движеній. Толпа представляетъ

собой любопытный объектъ научнаго изученія съ психологической точки зрѣнія, причемъ дѣлаются попытки установить законы психологии толпы, которые своятся пока къ установленію, что въ толпѣ колоссальную силу приобретаетъ эмоція, при поразительномъ ростѣ интенсивности эмоціи; затѣмъ въ толпѣ отдельные участвующія лица приобретаютъ нѣкоторыя такія свойства, которыми они сами по себѣ не обладаютъ, а истиннѣе самосохраненія заставляютъ примкнуть къ толпѣ лицѣ, въ ней очутившихся. Психика участника толпы несомнѣнно даетъ основаніе къ признанію за нимъ уменьшенной вмѣняемости и, слѣдовательно, сравнительно слабой отвѣтственности. Между тѣмъ, въ виду боязни толпы, законодатель выдѣляетъ преступленія толпы какъ особо опасныя. Въ результатъ этого явилось у насъ созданіе ст. 269¹ дѣйст. улож. и 123 ч. 1 Нов. Улож., почти тождественныхъ въ ихъ редакціи. Обѣ эти статьи не могутъ быть признаны удачными: перечисленіе мотивовъ въ текстѣ закона является не совершеннымъ и по существу неправильнымъ, самая формулировка вызываетъ сомнѣнія (напр., понятіе экономическія побужденія) и даетъ поводъ примѣнять ст. 269¹ тамъ, гдѣ ей не мѣсто (напр., недавнее дѣло крестьянъ кн. Гагарина). Что же касается усиленной репрессіи за эти преступленія, то она съ криминально политической точки зрѣнія является безцѣльной и необоснованной въ виду природы преступнаго дѣянія.

В. Д. Шидловскій рекомендуетъ въ изученіи природы этихъ преступленій ближе держаться къ жизни и приглядываться къ тому, когда и при какихъ обстоятельствахъ имѣютъ мѣсто вспышки народнаго гнѣва. Лично наблюдая возникновеніе и прекращеніе безпорядковъ, В. Д. Шидловскій полагаетъ необходимымъ проводить рѣзкое различіе между толпою организованною и случайною. Первая собралась во имя какой либо цѣли и для какихъ либо дѣйствій; вторая совершенно случайно, подъ вліяніемъ минуты. Хотя толпа случайная также очень опасна, особенно въ виду того, что неизвѣстно, чѣмъ она кончится, отношеніе къ ней законодателя должно быть, однако, иное, нежели въ толпѣ организованной. Толпа организованная можетъ вызвать рѣзкую репрессію и законодатель можетъ считать тяжкимъ преступленіемъ самое участіе въ такой толпѣ, независимо отъ того, выразила ли она свое преступное намѣреніе въ какихъ либо дѣйствіяхъ, тогда какъ участіе въ толпѣ, случайно образовавшейся, должно вызывать минимальную отвѣтственность.

О. О. Грузенбергъ указываетъ, что онъ не признаетъ термина „уменьшенная вмѣняемость“ и не согласенъ съ постановкою вопроса, данною В. Д. Набоковымъ. Ст. 269¹ улож. о нак. не относится къ предѣламъ законодательной работы и очень жаль, что авторы ея, занимааясь послѣдствіями редакціей ст. 122 ч. 1 новаго улож., игнорировали судебную практику. Послѣдняя установила, во первыхъ, непригодность указанія въ законѣ побужденій, во имя которыхъ совершаются скопищемъ насилія, и, во вторыхъ, что участіе въ толпѣ въ чистомъ видѣ никогда не облагается наказаніемъ. Суды всегда пытаются установить ту или иную активную роль въ насиліи каждаго привлекаемаго къ отвѣтственности, т. ч. дѣло сводится къ тому, что репрессія, установленная ст. 269¹ улож. о нак., вовсе не повышенная, какъ это утверждаютъ, но уменьшенная.

Г. В. Слюзбергъ отмѣчаетъ необходимость уменьшенной отвѣтственности участниковъ толпы, полагая, что это соответствовало бы требованіямъ справедливости и обстоятельствамъ, при которыхъ имѣютъ мѣсто преступленія толпы. Различая строго отъ преступленій толпы преступное образованіе съ какою либо противоправительственной цѣлью толпы какъ *delictum sui generis*, Г. В. Слюзбергъ полагаетъ, что конструкція преступленій, указанныхъ

ст. 121 и 122 новаго улож., совершенно различна. Ст. 121 преслѣдуетъ участіе въ толпѣ, собравшейся съ противозаконною цѣлью, и потому мыслимо, что законодатель по тѣмъ или инымъ соображеніямъ караетъ голый фактъ участія въ преступной толпѣ, независимо отъ результатовъ собранія этой толпы и достиженія ею преступной цѣли, но констатировать отвѣтственность за участіе въ толпѣ опасной по дѣйствіямъ такъ, какъ конструируетъ ее ст. 122, когда вмѣняется одно участіе въ подобной толпѣ, представляется и неправильнымъ, и несправедливымъ, разъ независимо отъ дѣятельности участника само по себѣ образованіе такого скопища не наказуемо, если оно въ его цѣломъ не учинило никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Указаніе мотивовъ преступления въ ст. 122 не можетъ не быть отнесено къ дефектамъ уложенія.

М. М. Боровитиновъ отмѣчаетъ допустимость наказуемости участія въ скопищѣ, собравшемся съ какою либо противозаконною цѣлью въ виду той опасности, которую представляютъ подобныя скопища для государственнаго порядка, но вмѣненіе вреда, учиненнаго скопищемъ, всѣмъ участникамъ его, ему представляется совершенно невозможнымъ и противъ этого начала М. М. Боровитиновъ рекомендуетъ бороться, настаивая на томъ, чтобы отвѣтственность участниковъ скопища за вредъ, причиненный этимъ скопищемъ, была построена на принципѣ индивидуальной отвѣтственности.

Ф. О. Гредингеръ подтверждаетъ указанія О. О. Грузенберга, что суды, примѣняя ст. 269¹ улож. о нак., никогда не караютъ участія въ скопищѣ въ чистомъ видѣ и всегда устанавливаютъ активное участіе каждаго обвиняемаго въ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Ст. 269¹, такъ же какъ и 122 новаго ул., вовсе не вводитъ усиленной репрессіи, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить сопоставленіе ст. 122 уст. угол. улож. съ ст. 142 и 145 того же кодекса. Изъ обширной практики Сената любопытно рѣшеніе 4 отд. угол. касс. департ., коимъ былъ отмѣненъ приговоръ казанск. суд. палаты о примѣненіи по совокупности 269¹ и 1629 ст. улож. о нак.

М. Н. Нижегородцевъ указываетъ, что для объясненія психологіи толпы нужно глубже анализировать психическіе процессы, происходящіе въ отдѣльныхъ лицахъ, примкнувшихъ къ ней—тогда станетъ понятнымъ, напр., раздѣленіе на вожаковъ и ведомыхъ. Уложеніе 1903 г. не удовлетворяетъ научному критерию вмѣняемости. Преобладающимъ типомъ толпы является толпа случайная, при чемъ настолько идеально сплоченной, чтобы возможно было говорить объ общей волѣ толпы, толпа обыкновенно не бываетъ.

И. Г. Щегловитовъ отмѣчаетъ своеобразность преступленій толпы. Толпа, какъ таковая, не является субъектомъ преступления, но совершенное ею рѣзко отличается отъ совершеннаго отдѣльнымъ лицомъ или по началамъ соучастія нѣсколькими. До сихъ поръ вниманіе законодателя и теории по преимуществу останавливалось на объективной сторонѣ преступленій толпы, игнорируя субъективную сторону участниковъ ея, каковое обстоятельство не можетъ быть признано правильнымъ. Будущему принадлежитъ въ этомъ направленіи сдѣлать многое. Ст. 269¹ улож. о нак., а, слѣдовательно, и 122 угол. улож., знаеть, разумѣется, усиленную, а не пониженную репрессію; что же касается ссылки на то, что участіе въ толпѣ въ чистомъ видѣ не облагается наказаніемъ благодаря тому, что суды устанавливаютъ активное участіе каждаго въ безпорядкахъ, то врядъ ли правильно этому придавать большее значеніе, нежели значеніе простого процессуальнаго признака, которымъ судъ устанавливаетъ именно простое участіе въ толпѣ. Изученіе субъективной стороны преступленій толпы несомнѣнно должно привести къ вопросу, примѣними ли

къ участникамъ толпы всѣ наказанія, которыя примѣняются къ обыкновеннымъ преступникамъ. И. Г. Щегловитовъ думаетъ, что врядъ ли цѣлесообразно примѣнять къ нимъ, напр., лишеніе свободы. Въ заключеніе И. Г. Щегловитовъ предложилъ выразить благодарность В. П. Ширкову и М. Н. Нижегородцеву.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Судебный департаментъ.

И. Реверсныя сдѣлки.

Въ опредѣленіи 16 янв. 1903 г. № 82, С.-Петербургско-Азовскаго банка съ администраціей по дѣламъ бр. Измировыхъ, — Пр. Сенатъ разсмотрѣлъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ сторонъ, вытекающихъ изъ, такъ называемыхъ, реверсныхъ сдѣлокъ, сущность которыхъ, по разъясненіямъ Пр. Сената въ данномъ опредѣленіи и въ предшествующихъ (1886 г. № 876 и 1896 г. № 533), заключается въ томъ, что должникъ передаетъ своему кредитору какую либо торговую цѣнность, преимущественно векселя 3-хъ лицъ, предоставляя ему право въ случаѣ неуплаты въ срокъ главнаго долга приступить къ удовлетворенію себя путемъ взысканія по даннымъ въ обезпеченіе векселямъ, на кредиторъ же при этомъ лежитъ обязанность, удовлетворивъ себя по данному ему обезпеченію, вернуть должнику могущій, оказаться остатокъ за полнымъ удовлетвореніемъ долга.

Разсмотрѣвъ дѣло, Пр. Сенатъ нашелъ, что хотя принятіе мѣръ къ полученію удовлетворенія путемъ взысканія по выданнымъ векселямъ есть прежде всего право кредитора—судодателя, тѣмъ не менѣе, нельзя не принять во вниманіе, что векселя, данные въ реверсъ, находятся въ рукахъ судодателя съ бланками ихъ должниковъ и что сами должники лишены возможности осуществить какія бы то ни было права по этимъ векселямъ, почему при несуществленіи кредиторомъ по суду своего права пользования даннымъ ему обезпеченіемъ должникъ долженъ быть поставленъ въ условія, открывающія ему самому возможность принять съ своей стороны мѣры къ предотвращенію ущерба отъ несвоевременнаго обращенія взысканія по векселямъ на 3-хъ лицъ и что въ виду сего кредиторъ, нежелающій почему либо покрывать выданную имъ суду изъ переданныхъ ему въ реверсъ цѣнностей, обязанъ по наступленіи сроковъ по обязательствамъ, даннымъ ему въ обезпеченіе, извѣстить о томъ своего должника. При несоблюденіи же этого, гарантирующаго законные интересы должника, условія, кредиторъ долженъ на общемъ основаніи (ст. 684 X т. 1 ч.) нести отвѣтственность за могущее наступить обезпѣченіе принятаго по реверсу обезпеченія, какъ вызванное его бездѣйствіемъ.—Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и останавливаясь на спорѣ сторонъ, касающемся векселей М., Пр. Сенатъ находитъ, что С.-Петербургско-Азовскій ком. банкъ, имѣя въ своемъ портфель, въ числѣ другихъ покупательскихъ векселей, переданныхъ ему бр-ми Измировыми въ обезпеченіе ссуды, 3 векселя М. на 25 т. р., по наступленіи по нимъ сроковъ ограничился протестомъ этихъ векселей, а затѣмъ, въ теченіе почти 8 мѣсяцевъ (до объявленія М. несостоятельнымъ должникомъ) никакихъ мѣръ ко взысканію вексельнаго долга изъ имущества М. не принималъ, по объявленіи же несостоятельности заявилъ претензію съ пропускомъ срока. Въ виду сего и такъ какъ по наступленіи срока по векселямъ М. банкъ не только не извѣстилъ Измировыхъ о нежеланіи воспользоваться векселями М., но даже

несмотря на неоднократныя требованія Измировыхъ и на рѣшеніе суда, обязавшее его къ дачѣ отчета, отъ представленія отчета уклонялся и представилъ таковой лишь въ январѣ 1898 г., то право Измировыхъ защищаться противъ иска банка о возвратѣ суду тѣмъ, что данныя въ обезпеченіе долга векселя М. обезпѣены по винѣ бавка, должно, вопреки мнѣнію банка, считаться доказаннымъ. Переходя затѣмъ къ опредѣленію суммы, въ которой выражается обезпѣеніе векселей М.,—Пр. Сенатъ нашель, что къ возложенію на банкъ отвѣтственности за полное обезпѣеніе векселей М. не представляется правильнаго основанія, такъ какъ администрація Измировыхъ не доказала, что, въ случаѣ своевременнаго предъявленія банкомъ требованія къ М., вексельный долгъ былъ бы покрытъ полностью. Съ другой же стороны, не можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія размѣровъ обезпѣенія тотъ дивидендъ, который получился бы по конкурсу, если бы банкъ своевременно заявилъ претензію въ конкурсъ, такъ какъ отвѣтчикъ ставить банку въ вину его бездѣйствіе именно до объявленія М. несостоятельнымъ должникомъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, 1) что изъ представленнаго къ дѣлу исполнительнаго листа купца Лушникова видно, что 13 февраля 1896 г. по присужденному въ пользу Лушникова съ М. взысканію въ суммѣ 7500 р. уплачено 2400 р., 2) что, слѣдовательно, по наступленіи сроковъ переданныхъ банку векселей (августъ 1895 г.) и до объявленія его несостоятельнымъ (апрѣль 1896 г.) М. произвѣдиль платежи и 3) что эти платежи достигали суммы 320 р. на тысячу,—Пр. Сенатъ пришелъ къ заключенію, что полученныя Лушниковымъ удовлетвореніе и должно служить основаніемъ для опредѣленія ущерба, нанесеннаго бездѣйствіемъ банка, интересамъ Измировыхъ и что, слѣдовательно, размѣръ обезпѣенія векселей М. (на сумму всего 25 т. р.) долженъ выразиться въ суммѣ 8 тыс. р. (25×320),—которая подлежить зачету въ требованіе банка о возвратѣ суду.

Указъ моск. ком. суду 27 фев. 1903 г.

II. Средства на содержаніе семьи несостоятельнаго должника (ср. сборникъ Гребнера и Добровольскаго изд. 1902 г. №№ 452, 453 и 455).

Въ опредѣленіи 18 октября 1901 г. за № 1788 Пр. Сенатъ, обсуждая по жалобѣ несостоятельнаго должника Бааша въ вопросѣ о назначеніи средствъ на содержаніе его семьи, состоящей изъ жены и 3 дѣтей, на содержаніе которой конкурсомъ назначено по 5 рублей въ мѣсяцъ,—нашелъ, что столь ничтожный размѣръ ежемѣсячной выдачи безусловно недостаточенъ для содержанія семьи Бааша въ С.-Петербургѣ; что ни конкурсъ ни комм. судъ не указываютъ тѣхъ данныхъ, въ виду которыхъ можно бы было усмотрѣть наличность признаковъ злостности банкротства; что при такомъ положеніи дѣла конкурсу надлежитъ или увеличить ежемѣсячную выдачу содержанія семьѣ, если только это дозволяютъ средства конкурса, или, въ противномъ случаѣ, освободить Бааша изъ подъ стражи. На этихъ основаніяхъ отмѣнено несогласное съ симъ опредѣленіе коммерческаго суда.

Указъ СПб. ком. суду 2 ноября 1902 г.

III. Обязанность суда сообщить документы противной сторонѣ и послѣдствія несоблюденія этого правила.

Въ разъясненіе ст. ст. 101 и 322 и (95 и 297 по изд. 1903 г.) уст. суд. торгов. Пр. Сенатъ призналъ, что ком. суд., отложивъ въ засѣданіи своемъ, разборъ дѣла до назначеннаго имъ времени, обязанъ былъ представленныя въ этомъ засѣданіи исцомъ въ отсутствіе отвѣтчика документы сообщить отвѣтчику вмѣстѣ съ повѣсткою о вызовѣ въ судъ

къ назначенному для разбора дѣла дню; неисполненіе же сего является существеннымъ нарушеніемъ требованій закона, влекущихъ за собою отмѣну рѣшенія суда. На этомъ основаніи Пр. Сенатъ отмѣнилъ состоявшееся въ ком. судѣ рѣшительное и по суммѣ иска (700 р.) окончательное опредѣленіе.

Опредѣленіе 14 февраля 1902 г. № 425 по дѣлу Никитенко и Билика; указъ СПб. ком. суду 13 марта 1902 г.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Подписнику № 577.

Возможно ли примѣнить 73 ст. уст. о наказ. къ домовладѣльцу, давно загородившему заборомъ часть тротуара?

Примѣненіе ст. 73 уст. наказ. обусловлено давностью, которая однако не распространяется на обязанность въ силу ст. 26 уст. наказ. устранить заборъ, загородившій часть тротуара.

Подписнику № 61.

Гдѣ помѣщены разъясненія Сената о томъ, что постановленія земскихъ начальниковъ, состоявшіяся на основаніи ст. ст. 57 и 58 пол. устан. крест., могутъ быть отмѣняемы, по измѣнившимся обстоятельствамъ, въ виду ходатайствъ о томъ постановившихъ ихъ земскихъ начальниковъ, властью губернскаго присутствія?

Разъясненія эти не помѣщены ни въ одномъ изъ частныхъ сборниковъ. Одно изъ такихъ разъясненій изложено въ указѣ 2-го департамента Новгородскому губернатору 16 февраля 1901 г. № 8593. Въ иномъ смыслѣ вопросъ этотъ разрѣшается разъясненіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, помѣщеннымъ въ извѣстіяхъ земскаго отдѣла (№ 2, стр. 22).

НОВЫЯ КНИГИ.

АВИНОВЪ, Н. Н. Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 г. М. стр. 20.

АВЧИННИКОВА, В. О регламентаціи проституціи СПб. 1904 г. Ц. 10 коп. стр. 15.

БОГДАНОВЪ, А. Краткій курсъ экономической науки Изд. 4-е С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ СПб. 1904 г. Ц. 1 руб. стр. 350.

БОГДАНОВЪ, П. Указатель русской литературы по описанію отдѣльныхъ русскихъ частно-владѣльч. хозяйствъ 1765—1902 гг. Изд. д-та земледѣлія СПб. 1904 г. стр. 116.

КОРОВКА, Н. И. Новое явленіе въ крестьянской жизни. СПб. 1903 г. стр. 20.

КУЛОМЗИНЪ, А. Н. Доступность начальной школы въ Россіи. СПб. 1904 г. стр. 153.

МИЛЮКОВЪ, П. Очерки по исторіи русской культуры. ч. I. Населеніе, экономич., государ. и сословный строй. Изд. ред. ж. „Мірѣ Вожій“. 5-е испр. и дополн. изд. СПб. 1904 г. Ц. 1 руб. стр. 293.

ОТЧЕТЪ Государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1902 г.

ПАМЯТНАЯ книжка Эриванской губ. на 1904 г. Изд. губ. статистич. комитета, стр. 139+145+65+65+20.

ПРАВЯЩАЯ Россія. Полный сборникъ свѣдѣній о правахъ и обязанностяхъ административныхъ учреждений и должностныхъ лицъ Россійской Имперіи отъ Государственнаго Совѣта до сельскаго старосты. Необходимая справочная книга для всѣхъ. ч. I Изд. кн. склада Н. Игнатовъ. СПб. 1904 г. стр. 368. Ц. за три тома 5 руб.

СТАТИСТИКА долгосрочнаго кредита 1902 г. Вып. III.

ТРУДЫ VIII съѣзда земскихъ врачей и предсѣдателей управы Воронежской губ. т. 2-й стр. 497.

РЕЗОЛЮЦИИ.

16 марта, по апел. отд. угол. Касс. Деп.

Протест тов. прок. и отзывы фонъ-Арнольди, Новицкого, Келишека, Петручука и Пивеня и жалоба Садовской на приг. Варшав. с. п. по обв. Арнольди и др. въ преступленіяхъ должности, — въ судебномъ засѣданіи опредѣлено: 1) признать подсудимыхъ Новицкого и Келишека по суду оправданными, 2) фонъ-Арнольди на осн. 1 ч. 446 ст. ул. о нак. удаленнымъ отъ должности по суду; 3) приговоръ о Пивенѣ и Петручукѣ утвердить, 4) въ удовлетвореніе гражд. иска Садовской возложить на основаніи 650 ст. т. X п. 1 уплату Садовской пожизненно по тридцати шести руб. въ годъ на Пивеня и Петручука поровну съ взаимною ихъ другъ за друга отвѣтственностью, 5) суд. бн. издержки возложить на осужденныхъ поровну съ круговою другъ за друга отвѣтственностью, а при несостоятельности къ уплатѣ принять на счетъ казны и 6) приговоръ Варшав. с. п. въ чемъ съ симъ несогласный отмѣнять.

11 марта, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Отмѣнены приговоры: пов. гор. Кишилева Кишинев. м. с. по обв. Павло; Фрайера — 2 о. Варшав. м. с. — относит. примѣненія 68 ст. у.; Шкловская — Минск. о. с.; упр. акц. сб. — Острожок. о. с. по обв. Носалева — въ части касающ. опред. наказанія; Пинчевскаго — 3 о. Петроков. м. с.; пов. Рижской городской управы — Р. Вольмар. м. с. по обв. Бруэль; бургомистръ гор. Август ва — 1 о. Сувалск. м. с. по обв. Фомы Дычевскаго; упр. акц. сб. — 2 о. Сувалск. м. с. по обв. Влюмберга; Махлиса — Минск. о. с.; Отрѣшковы Острожок. о. с. — въ части касающейся опред. отвѣтственности Отрѣшковой.

Отложено докладомъ дѣло Мангуби.

12 марта, по 2 отд. Угол. Касс. Д-та.

Отмѣнены приговоры: протестъ тов. прок. — Симферопол. о. с. по обв. Гольца и др.; Зарцной — Вилен. м. с.; протестъ тов. прок. — Елисаветград. о. с. по обв. Даценко; Волейшо — Харьков. с. п.; Павляшика — Ковельск. м. с.; Асана — Вилен. м. с. по обв. Немзера; Яковенко — Радомысльск. м. с.; Вилера — Звенигород. м. с.; Гутниченковой — Радомысльск. м. с.; Нечипорен — Радомысльск. м. с.; Вишневицкихъ и др. — Старокопстантинов. м. с.; Загоровскихъ — Радомысльск. м. с.; Файнлейба — Звенигород. м. с.; Футорянскаго — Радомысльск. м. с. по обв. Сагаловыхъ; Рышнякова — Звенигород. м. с. — въ части касающейся опред. наказанія; Драчуна — Гайсин. м. с. по обв. Киблицкихъ.

13 марта, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Отмѣнены приговоры: Триглафа Г.-Гробин. м. с.; Шитова Слб. ст. м. с.; протестъ тов. прок. М.-Ваусек. м. с. по обв. Гавъ; Дамской 3 Петроков. м. с.; Домрачева Каван. м. с.

Отложено докладомъ дѣло Моргена.

Отложено объявленіе резолюцій по дѣламъ: Иванова; Кальниана; Звирбуля; Фогеса; Куракина; Островыхъ; Цыплугина; Воедаревыхъ; Конеча.

12 марта, по 4 отд. Угол. Касс. Д-та.

Отмѣнены приговоры: предложеніе оберъ-прокур. съ представителемъ прок. Одесск. о. с. по дѣлу Семенова; Беккерель Варшав. с. п.; представл. мир. судьи 1 уч. Курганск. уѣзда по дѣлу Михайлова; нач. упр. земл. и гос. имущ.

Ю.-Верроок. м. с. по обв. Пловица; Янишевскаго 1 Петроков. м. с.

Отложено объявленіе резолюцій по дѣлу Кожевникова.

Гражд. Касс. Деп. Правит. Сената.

12 марта. По 6 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Зоннъ съ Нахичеванскою гор. управою; Ольшевскихъ съ Влонскими.

Исключено изъ доклада: Руденаса и др. съ Управл. Госуд. Имущ. Виленской и Ковенской губ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Чубинскаго съ Полишуккомъ; Глушко-скаго съ Мишевничемъ; Корзунова съ Шуневичемъ; Ярошинскаго съ Голембовскимъ.

Возвращены для поступленія по закону: Астаховой съ общ. хут. Плетоба; Вичучъ съ Ройзенблитомъ.

Передано на разсмотрѣніе департамента: Нестеренко съ Петрухенко.

Исключены изъ доклада: Семенаса съ Тишинскимъ и съ Горловымъ (два дѣла).

По всемъ остальн. дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

16 марта. По 1 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: управл. ж. д. съ Корниловымъ; управл. ж. д. съ Зиминной; того же управл. съ Гуманомъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Генни съ управл. Балтійской и Пеково-Рижской ж. д.; Павловской съ центр. К^о ж. д. и трамв. анонимнаго общ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: общ. Владикавказской ж. д. съ Керинбековымъ; управл. Привислинскихъ ж. д. съ Савичемъ; управл. ж. д. съ Померанцемъ; Гинзбурга съ управл. Балтійской и Пеково-Рижской ж. д.; общ. Юго-Вост. ж. д. съ Троецкимъ; управл. ж. д. съ Лисной; того же управл. съ Лови; того же управл. съ Новогрудскимъ; того же управл. съ Новогрудскимъ и Мотальскимъ; того же управл. съ Новогрудскимъ; общ. Ряз.-Уральск. ж. д. съ Зильберлатомъ; того же общ. съ Кустинымъ и Капланомъ; управл. ж. д. съ Рексакомъ; Капелюшника и Свирскаго съ управл. Слб. Варш. ж. д.; общ. Юго-Вост. ж. д. съ Гурвичемъ; того же общ. съ Луцкимъ; управл. ж. д. съ Масляцкимъ и Гильманомъ; Крупняка съ общ. Юго-Западн. ж. д.; управл. ж. д. съ Гординымъ; того же управл. съ Рочко.

По всемъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставл. безъ послѣдствій.

16 марта. По 2 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: фонъ-Эттингенъ съ Императорскимъ Юрьевскимъ университетомъ; Эгле съ Краузе; Ауслца съ Дукерскимъ волостн. общ.

Передано на разсмотрѣніе департамента: Гутмана съ Гутанъ.

Исключены изъ доклада: Швайченко съ прокураторіею; Скутинскаго съ Висневскимъ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Розенберга съ Лвиденбаумомъ; Вейлера съ Якубовичемъ; Гродзенскаго съ Лукашевскимъ; Куррика съ Сійманомъ; Розенгартена съ Кунотъ; Дессельберга по иску Лубы къ Кнаку и др.; Вункша и др. съ Нордштредомъ; Поляка съ фирмою „И. Бекерманъ“.

Исключены из доклада: Дудониса съ Дудонисами; Поттина съ Пфейферомъ; Абрамовскаго съ Шиманскимъ; Ячичка и Скопа съ Мальскими; Пятлясинскаго съ Ласоцко; Киселевскихъ съ Цемнецкимъ и др.; Фабриканта съ Жуковскимъ; Коваликъ съ Глембовичемъ; Кренглевской съ Сосницкой; пастора Лааса съ Уллидаскимъ волостн. общ.; Аркишевской съ Венгровскимъ.

По всемъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

17 марта. По 3 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнено рѣшеніе: Вѣдяевскаго и др. Вѣдяевской.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Каменокскихъ-Жилкозъ съ Барановскимъ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Переяславской станицы съ Котляровымъ; Здохина съ Дубинскимъ; Макарова съ Вейсманомъ; Мясковскихъ съ Ивановымъ, Друхъимянинаго съ Соломатиннымъ; Вѣднохова съ Фроловымъ; Мирошниченко съ Озеровымъ; южно-русской артели съ Повитковой; Вабачика съ Гольдбергомъ; Иванченковъ съ Пигаревымъ.

По всемъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставл. безъ послѣдствій.

17 марта. По 4 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Якубсонъ съ Черномордикомъ; Сатыровъ съ Литвакъ и др.; Никифорова съ русскимъ паровозостроит. и механич. общ.; Харьковской каз. палаты; Штейнберга; общ. кр. с. Шиншлова съ Тушнинымъ.

Исключены изъ доклада: Головина съ Штольценбургомъ; Новика съ управл. каз. ж. д.; Нестерова съ Бочкаревымъ и др.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Корсакова съ Хмыровымъ (два дѣла); Зусмана съ Городецкимъ и съ Шварцманъ (два дѣла); Властелицы съ Вержбицкой; Пастеля съ Эпштейномъ; кн. Урусовой съ Воймомъ; Родионова съ Шелестовымъ; Калича съ общ. кр. д. Твориничъ; общ. кр. с. Шинкалозъ съ Мохлинскимъ; Селаднева съ съ Вовоикомъ.

По всемъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

18 марта. По 5 Отд.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: общ. Лодзинской фабр. ж. д. съ Ленчинскимъ; упр. ж. д. Хельницкимъ; того же управл. съ Мозесомъ; общ. Рязанск.-Уральск. ж. д. съ Троецкимъ (два дѣла); перваго общ. подъѣздн. путей съ Клингманомъ; общ. Лодз. фабр. ж. д. съ Вольдманомъ; управл. ж. д. съ Штейномъ; того же упр. съ Рабиновичемъ; того же управл. съ Гальперномъ; Юго-Вост. ж. д. съ Эдельштейномъ; управл. ж. д. съ Малкомъ; управл. Курско-Харьк.-Севаст. ж. д. съ Вайнштейномъ; Моск.-Кіево-Ворон. ж. д. съ Каневскимъ; Привислян. ж. д. съ Векерманомъ.

Исключено изъ доклада: Привислинскихъ ж. д. съ Юдой.

По всемъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

18 марта. По 6 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: общ. парох. „Австрійскій Ллойд“ съ Вѣлопольскимъ и др.; Кросмана съ Рокашевскимъ.

Переданы на разсмотрѣніе департамента: опеки Базилевича съ Базилевичъ и др.; Цывилко съ Поль; Вакулина съ Мишинимъ.

Исключено изъ доклада: Эссмана и Ароновскаго съ Комаринимъ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Кременчугскаго съ Кузьминскимъ; Лившица съ олек. Гулевичей.

По всемъ остальн. дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

Движеніе по государственной службѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По гражданскому вѣдомству, 12-го марта 1904 года № 18.

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначаются: чл. о. с. тифлисск., Русановъ и кишинев. Голяницкій—тов. предѣд. о. с.: первый—владикавказск., а второй—кишинев. оба согл. прош.; членъ ставропольск. о. с. Евдокимовъ, товар. прок. о. с.: костром., Вартеневъ и херсон., Архангельскій и прич. къ мин., Куленкамль—уѣзд. чл. о. с.: Евдокимовъ—ставропольск., по Ставропольск. у., согл. прош., Вартелевъ—костром., по Ветлужск. у., Архангельскій—тамбов., по Темников. у., и Куленкамль—спб., по Новолодож. у.; уѣзд. чл. минск. о. с., по Мозыр. у., Кршижановскій, предс. съѣз. м. с. и уч. м. с. екатеринод. о. с. Тарашкевичъ, м. с. 7 уч. ревел.-гапсальск. окр., Клушницъ, тов. прок. о. с.: стародуб., Дыновскій и ставроп., Макаровъ и секр. тифлисск. с. п., Мироновичъ—чл. о. с.: Кршижановскій—минск., согл. прош., Тарашкевичъ и Макаровъ—ставропольск., Клушницъ—вижегород., Дыновскій—пѣжинск. и Мироновичъ—тифлисск.; прич. въ мин., Канишевичъ—тов. прок. елисаветград. о. с.; сост. за шт. уч. м. с. волковск. окр., Мануйловъ и добав. м. с. окр. о. с.: таицентъ, Вѣлорустовъ и асхабад. Шредеръ—м. с.: Мануйловъ—2 уч. Ходжентск. у., Вѣлорустовъ—3 уч. Чимкент. у. и Шредеръ—3 асхабад. уч. м. с. 2 уч. Самарканоск. у., Кондратьевъ—добав. м. с. окр. ташкент. о. с. согл. прош.

Перемѣщаются: уѣзд. чл. могилев. о. с., по Черников. у., Пакаринъ—уѣзд. чл. курск. о. с., по Щигров. у., согл. прош.; чл. вѣрненск. о. с., Никифоровъ—чл. самарканд. о. с., согл. прош., тов. прок. о. с.: тронцк., Сердобовъ, самарск., Федосѣевъ и вологод., Цыплаковъ—тов. прок. о. с.: первый—самарск., вг.—саратов. и посл.—рязан.; м. с. у.: Казалинск., 2 уч., Попель Джаркентск., 1 уч. Воскресенскій и 3 уч., Махонинъ и ауліатинск., 1 уч., Диаконенко—м. с. уѣзд.: Попель—ауліатинск., 1 уч. Воскресенскій—вѣрненск., 4 уч. Махонинъ—джаркент., 1 уч. и Диаконенко—ташкент., 6 уч.

Увольняются отъ сл. согл. прош., по бол.: м. с. гор. Ново-Минска, 1 окр. Варшав. г., Бочковъ и гор. Новорадомска, 1 окр. Петроков. г., Вельшевъ и гор. с. 1 уч. гор. Твери. Захаровъ, всѣ трое съ мунд., означ. долж. присв.

Умершіе искл. изъ списк.: тов. прок. харьков. с. п., Дублянскій, гор. с. гор. Золотоноши, Кондратковскій.

Алфавитн. указатели накъ изъ „Законодат. В—ну“ за 1903 г., такъ и изъ „Рѣшенія Общаго Собранія“ за 1902 г. еще въ свѣтъ не выходили.

